

Паула Гальего - Все проклятые сны

Переведено специально для группы

~**°•†Мир фэнтези†°**~ <http://Wfbooks.ru>

Оригинальное название: Todos los sueños malditos

Автор: Paula Gallego / Паула Гальего

Серия: Gaueko #2,5 / Гауэко #2,5

Переводчик: nasya29

Редактор: nasya29

Паула Гальего - Все проклятые сны

Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Аннотация

Знакомы со вселенной «Гауэко» Паулы Гальего?

Не пропустите эту историю, события которой разворачиваются между вторым и третьим томами саги...

Подобно луне, Вороны изменчивы. Все они наделены даром, ниспосланным языческими богами, и все они прокляты. Поэтому они должны посвятить свою силу, свои навыки и даже саму жизнь служению Ордену.

Лири должна быть избрана, чтобы подменить настоящую принцессу, чего бы это ни стоило. Только так её существование обретет смысл, но для этого ей придется одолеть соперниц, а значит — быть готовой потерять любовь, жизнь и собственное «я».

Она будет тренироваться, пройдет через жесточайшие испытания и в жертве откроет для себя ту силу, что таит имя, когда его произносят те самые губы.

Паула Гальего - Все проклятые сны
Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Оглавление

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	42

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Глава 1

Как и луна, мы, Вороны, изменчивы. Как и луна, мы, Вороны, храним в себе запретную магию.

Возможно, поэтому мне снился тот сон: роды на закате; пара, чьи лица казались мне размытыми, перед колыбелью; женщины вокруг них и необъяснимая уверенность, что это были *соргинак*, ведьмы севера.

Я всегда просыпалась от этого сна с тревогой, царапающей стенки моей грудной клетки, не в силах понять его смысла, но уверенная, что мой собственный разум хочет сказать мне, что со мной что-то не так, что-то гнусное и темное.

Меня всегда учили принимать эту магию как грех, за который я должна заплатить своей жизнью. Даже смерти было бы недостаточно, я должна была жить ради Ордена, отдать свое тело, разум и душу ему на службу. Так меня учили с тех пор, как я навсегда отказалась от своего лица, под угрозой изгнания, если когда-либо снова приму свой истинный облик.

Поэтому я ежедневно принимала яд, тренировалась во всех дисциплинах, общих для всех кандидатов Ордена: Культура, Политика, Литература, Техники боя, Фехтование, Убеждение и Манипуляция... а также в тех, что предназначались только для нас, готовящихся подменить принцессу Лиру.

На уроках «Образа и Костюма» мы изучали, как она одевается, как менялись её предпочтения с годами и какие решения она примет в будущем. Мы изучали её близких и то, как она взаимодействует с окружением, на занятиях по «Личным связям».

Мы должны были знать каждую деталь жизни Лире. Всё, что она делала, всё, что думала или говорила, нам передавали потом через отчеты шпионов при дворе Львов.

Нас также обучали любой боевой дисциплине применительно к её способностям и навыкам. Нам нужно было уметь защищаться как можно лучше на случай, если придется применить все наши навыки для спасения жизни, но в остальных боях, на тренировках... мы должны были ограничиваться демонстрацией только того, чем владела Лира.

Учить движения, к которым у тебя нет способностей, было трудно; раз за разом отрабатывать то, что ей давалось с первого раза от природы, — разочаровывающе; но гораздо сложнее было подавлять порыв сражаться и глушить все инстинкты, которые мы оттачивали, когда приходилось принимать удар, от которого Лира не смогла бы защититься.

Поэтому я позволила тому предательскому удару локтем прийтись мне в висок. Острая головная боль заставила меня стиснуть челюсти, пока торжествующая улыбка Лире Алии расцветала на губах, идентичных моим.

— Ой, — пробормотала она с притворной гримасой. — Слишком сильно для тебя, пташка?

— Шаг назад, обе! — предупредила нас инструктор. — Хороший удар, Алиа, но она права: это было слишком сильно для того, что сделала бы настоящая принцесса. Хороший прием, Бреннан. Именно так, как приняла бы его она.

Боль окупилась, когда инструктор сделала пометку, которая даст мне более высокий балл в гонке за право стать Лирой, и насмешливая улыбка Алии исчезла.

— Попробуем еще раз, — объявила она и отошла от нас немного, проходя между остальными кандидатками, разбитыми на пары для боя. — Остальные тоже. Раз, два, три...

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Я встала в стойку. Алия тоже. Моя очередь атаковать, её — отвечать. Я нанесла ей легкий удар, зная, что она его заблокирует, но это разозлило её достаточно, чтобы она вернула его чуть сильнее, чем следовало.

— Осторожно, Алия, — промурлыкала я. — Как думаешь, скольких очков тебе стоил этот удар? — Заткнись, Бреннан. Оно того стоило. И это тоже.

Алия присела достаточно низко, чтобы нанести мне удар в бок, который вывел меня из равновесия и повалил на пол. Удар, который Лира не смогла бы нанести.

— Осторожно, Бреннан, — поглумилась она, изображая беспокойство.

Я вскочила на ноги прежде, чем привлечь внимание инструктора, наблюдавшей с другого конца с подозрением. Выпрямилась и снова встала в стойку с улыбкой. Подождала, пока преподавательница отведет взгляд, отряхивая пыль с одежды, и тогда ударила её ногой в живот со всей силы.

Она не упала. Настолько она была сильна. Но этого хватило, чтобы взбесить её окончательно.

Лира Алия контратаковала так, как настоящей Лире и не снилось. Я тоже. Я вернула удар, не утруждая себя мыслями о технике, — сплошная жестокость и дурные намерения.

Сдержанность была полностью забыта, и мгновение спустя мы колотили друг друга насмерть.

— Хватит! — крикнула инструктор, но было уже слишком поздно. — Я сказала, достаточно! Еще один удар, и обе будете исключены!

Блок. Удар справа. Финт. Подсечка.

Алия упала на пол с рычанием, но тут же вскочила, прежде чем преподавательница, начавшая перечислять все способы нашего наказания, успела подойти.

Она бросилась на меня, и я снова защитилась. Я достала её по лицу, а потом она меня по моему. Удар в живот, другой в плечо. Наш учитель Боя, тот, что учил нас драться без ограничений, гордился бы нами.

Я поняла, что мы полностью потеряли контроль, когда Алия схватила меня за волосы. Другие ученицы кричали, скандируя, подбадривая. Преподавательница «Принятия решений» тоже была бы в восторге, потому что это выглядело как нечто собственное настоящей Лире.

Я закричала, извернулась и так двинула ей локтем в живот, что ей пришлось отступить. Передышка, однако, длилась недолго. Внезапно она врезала мне хуком, заставившим меня пошатнуться. Я повернула лицо на секунду, и тут же удар ногой в затылок погрузил всё во тьму.

Что-то теплое и влажное потекло по моей шее, спине, груди...

В глазах всё еще было темно, когда крики вокруг нас стихли. Всё погрузилось в тишину: голоса, шум, выговоры инструктора. Я поняла, что не оглохла, потому что слышала собственное тяжелое дыхание, когда села, шатаясь, и поднесла руку к месту, где кожа горела огнем.

Первым, что я увидела, когда зрение вернулось, была моя окровавленная рука. Крови было много.

Вторым было искаженное лицо Алии, как отражение моего собственного. Это была не вина, а страх: страх последствий, наказания за порчу столь ценного актива.

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Несколько мгновений спустя я была в медицинском центре, сидя на кушетке, а моя футболка и штаны были покрыты кровью.

Бреннан, мой наставник, разговаривал с нашим врачом и прерывался лишь для того, чтобы отчитать инструктора, бывшую с нами в тот момент, за то, что она допустила подобное. Безответственная. Некомпетентная. Я знала, что потом эти крики будут адресованы мне.

И Лира Алия, и её наставница ждали на заднем плане. Первая — убитая горем; вторая — готовясь наказать свою подопечную.

Алия перестаралась с последним ударом. Она рассекла мне голову формой каблука своего ботинка; прямо за ухом. Мне наложили три шва.

— Заживет, — объявил врач. — Просто кровь, ничего серьезного. — А шрам? — спросил Бреннан.

Горький привкус поднялся к горлу. — Рано говорить, — ответил тот осторожно. — Но при правильном уходе, избегая солнца, принимая...

Я перестала слушать. Мои пальцы потянулись к швам, которые мне только что наложили. Я попыталась представить размер раны, размер меток. Будет ли он выступать? Закроет ли его ухо?

Даже если шрам не будет виден, он может стать препятствием для моего избрания. Между двумя достойными кандидатками разница может быть такой же маленькой, как крошечная метка за ухом. Мы должны были быть идентичны Лире. Должны были быть идеальны. А теперь я такой не была.

Я не могла стереть его своей магией; не могла создать копию без шрамов. В каком бы теле я ни была, мои отметины останутся.

Кто-то снова повысил голос. На этот раз спорили наши наставники. Я больше не обращала внимания. Однако фигура передо мной заставила меня поднять лицо от своих окровавленных штанов. Я встретила Алию, всё еще расстроенную, со взглядом, который я поняла слишком хорошо.

— Прости, — прошептала она, почти беззвучно.

Может быть, ей и правда было жаль; может быть, несмотря на свои амбиции, она понимала, что только что со мной сделала, чего могла стоить нам эта вспышка гнева.

Её наставница перестала смотреть на Бреннана и перевела взгляд на неё. Она славилась строгостью, и все здесь знали способы наказания, которые не вредили активам: ни следов на коже, ни сломанных костей, ни неизгладимых шрамов.

— Мне тоже, — сказала я ей, так же напуганная.

Мы смотрели друг на друга, пока наставница Алии уводила её, а меня тащил Бреннан по дороге к хижине, которую он делил со своими другими учениками. Мы шли молча.

Мы часто получали травмы, но эта была другой. Эта рана была глубокой. Мы должны были следить, чтобы любая мелкая отметина исчезала бесследно. Если же Лира получала какое-то повреждение, мы, напротив, обязаны были нанести себе такую же рану и убедиться, что она заживает так же, как у неё.

Пока нам везло: Лиру держали под защитой, в безопасности при дворе Львов. Однажды она выйдет замуж за наследника короны, за Эриса, и Моргана с Аароном хранили этот безупречный подарок в Сирии, совершенным и без изъянов.

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Не всем так везло. Пять копий готовились к миссии, когда оригинал неудачно упал с лошади. Несколько недель назад двоим из них ампутировали левую руку. Трое других отказались продолжать программу и были изгнаны из Ордена.

Я не хотела даже представлять, что ждало их снаружи. Если они были умны, то постарались бы затеряться и скрыть свой дар; в противном случае кто-то обвинил бы их в колдовстве, и они умерли бы за то, что получили свою магию от древних богов.

Меня всё еще поражало, глядя на двоих оставшихся, как они продолжают приходить на испытания и стараться заслужить похвалу, зная, что через пару лет один из них заменит оригинал, а другой, проигравший, останется навсегда калекой без руки.

Я спросила себя, что выбрала бы на их месте: изгнание или жертву? Трудно сказать. Если то, чему нас учили, было правдой, вдали от Ордена мы не найдем искупления, а в Аду лишняя рука не будет иметь никакого значения. Возможно, я бы тоже осталась.

Мы остановились перед дверью.

— Ты вела себя безрассудно. Это может стоить тебе будущего. Ты понимаешь? Понимаешь, что случится, если они решат, что ты больше не подходишь для миссии?

Я много лет готовилась стать Лирой и была уже слишком взрослой, чтобы меня выбрали для другой важной миссии. Меня могли перевести на второстепенную роль, работу без значимости, заслуг и чести... Или, что еще хуже, изгнать. Возможно, мои поступки и моя метка были достаточно плохи, чтобы сделать меня бесполезной.

Мне захотелось плакать.

Бреннан грубо схватил меня за подбородок. Он был невысок, но ему пришлось наклониться, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. Его глаза были карими, но холодными, лишенными того тепла, которое я иногда находила в других карих глазах. Его черты были жесткими, как и голос, как и взгляд.

— Я не потерплю такого отношения, — прошипел он. — Не от моих подопечных. Ты не можешь быть настолько глупой, чтобы ввязаться в драку, и настолько слабой, чтобы проиграть её и ползать в пыли.

Я прикусила губу. — Простите, — пробормотала я. — Ты понимаешь, что поставила на карту?

Я слабо кивнула, насколько позволили его пальцы, впившиеся в мой подбородок. — Я хочу, чтобы ты это сказала, — настоял он.

Я сглотнула, надеясь проглотить и слезы. — Я ставлю на карту свое будущее в миссии Лиры. Рискую изгнанием.

— И моей репутацией наставника, — добавил он хриплым голосом. — Это тоже на кону; но не заблуждайся, я не позволю тебе опозорить меня.

Он резко отпустил меня. Швы, всё еще свежие, отозвались вспышкой боли, как предупреждение.

— Твои слезы — симптом гнили. Ты слаба, а в моем доме нет места трусам. Заходи внутрь и приведи себя в порядок. Ты должна доказать мне, что всё еще заслуживаешь моей поддержки.

Боль свернулась змеей в моем горле. Страх размыл края сурового образа Бреннана. — Да, сэр, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

И повернулась.

Пара синих глаз встретила меня по ту сторону. Синих, как южное море.

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Я умираю от желания увидеть эту легкую и искреннюю улыбку, хотя и всегда немного грустную, но сейчас вид моего друга, ждущего по ту сторону двери с распростертыми объятиями, готового меня обнять, заставил меня чувствовать себя только слабее.

Проходя мимо, не глядя на него, я заметила, что остальные тоже здесь. Леон сидел на своей койке, вытянув ноги и скрестив лодыжки в сапогах. Алекс, со своим ростом и недавно приобретенными мышцами, стоял рядом с ним. Он всегда был высоким парнем. Ходил долговязым и тощим, сплошные длинные конечности и мягкие мышцы, пока настоящий Алекс при дворе Львов не начал тренироваться. Теперь он был крупным парнем.

Я прошла мимо в ванную, не глядя ни на кого. — Мне нужен душ.

Повисла тишина. Я заметила, как Леон и Элиан переглянулись. — Конечно... — сказал Леон. — Весь твой.

Я заперлась внутри. Сняла одежду и посмотрела в зеркало. Рана воспалилась, была еще свежей, но увидеть её было трудно.

Глаза снова наполнились слезами, и я прикусила губу так сильно, что вскоре эта боль заглушила другую — глубокую, холодную, свернувшуюся в душе.

Я носила это лицо семь лет, этот облик. Каким-то образом эти зеленые глаза, эти темные волосы стали моими. И всё же я не могла привыкнуть до конца. Всякий раз, глядя в зеркало, я испытывала порыв протянуть руку и стереть изображение, словно в отражении была какая-то ошибка.

Я быстро смыла кровь, терла, пока не исчез последний след, и тогда обнаружила отметины. Участки покрасневшей кожи, маленькие кровоподтеки, крошечные, незначительные... если исчезнут. Если нет, они станут еще одной причиной для Бреннана отречься от меня.

Ужас охватил меня, я прикрылась полотенцем и вышла обратно.

Все трое всё еще были в хижине. Не знаю, о чем они говорили, но замолчали, увидев меня. Элиан смотрел на меня как ослепленный олененок.

Алекс был ближе всех. — Ты, помоги мне.

Быстрый взгляд. Он вскинул брови. — В чем?

Я взяла маленькое зеркальце, висевшее на стене у моей койки. Нам не разрешалось иметь личные вещи в Ордене, и это зеркало было одним из немногих исключений. Подарок от Леона, который так и не сказал мне, где он его украл.

— Медосмотр на следующей неделе будет более тщательным. Мне нужно видеть, где у меня еще остались следы. Ты должен подержать это зеркало перед большим, пока я смотрю.

Алекс распахнул глаза еще шире. Они были бледными, пепельно-зеленого оттенка, который издали трудно разобрать. — Нет.

— В смысле «нет»? — возмущилась я. Разозлиться было легко, когда приходилось подавлять столько других эмоций.

— Я не пойду туда с тобой.

Я нахмурилась. — Мы можем сделать это здесь, если хочешь.

Алекс снова покачал головой. Внезапно этот парень, казавшийся таким большим, показался мне очень маленьким и смущенным. — Нет.

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Я могла бы попросить другого, любого, и он бы согласился; но этот отказ задел меня до глубины души. Мое будущее зависело от этих ран, а он не хотел помочь мне поддержать чертово зеркало.

— Почему? — Какая тебе разница, есть ли следы? Узнаешь, когда врач скажет. — Я хочу быть готовой, — возразила я. — Тебе-то что?

— Это глупо и не нужно. — Тут он прав, — заметил Леон, всё еще лениво лежа на койке. — Ты ничего не выиграешь, увидев их раньше врача. Узнаешь в свое время.

Он попытался сгладить ситуацию небрежным взмахом руки. Я перевела взгляд с одного на другого: Леон выглядел просто веселым, но Алекс был рассержен по-настоящему.

Я начала разматывать полотенце. Потолок вдруг стал для Алекса невероятно интересным. Я фыркнула.

— В этом дело? Потому что ты не хочешь видеть меня голой? Это даже не я.

Мы четверо видели друг друга голыми бесчисленное количество раз.

— Это твоё тело, — возразил он, не отрывая глаз от потолка. — Тебе не стоит раздеваться где попало.

— Это инструмент, — ответила я, удивленная его внезапной стыдливостью.

Все мы, подопечные Бреннана, жили вместе годами, и каждый готовился к своей миссии. Мы пользовались одной ванной, спали в одной хижине друг напротив друга каждую ночь, делили пространство и терпели бесчеловечные методы нашего наставника, который тренировал нас железной рукой.

Нам повторяли до изнеможения, что эти тела принадлежат не нам, а Ордену. Они были оружием на его службе; нас выставляли напоказ и тренировали до тех пор, пока мы все это не приняли.

Алекс, однако, продолжал отказываться смотреть на меня.

— Я помогу, — примирительно предложил Элиан. — Давай. Если там есть отметина, мы можем приготовить что-нибудь, чтобы попытаться стереть её заранее.

Я подумывала продолжить спор с Алексом, но глаза наполнились слезами, хотя это явно не имело к нему никакого отношения.

Я подобрала полотенце и протянула зеркало Элиану.

— Я изучаю новый состав, о котором нам рассказывали на «Гримере», чтобы помочь коже лучше заживать. Если у тебя что-то есть, я могу его приготовить. Время у нас есть.

В тот вечер Элиан помог мне убедиться, что на следующем медосмотре не найдут никаких других сюрпризов. Он не переставал болтать, пока не добрался до затылка, и я сама повернулась, чтобы лучше разглядеть через два зеркала три шва, стягивающих воспаленную плоть.

— Что случилось? — Алия, — ответила я.

Ему потребовалось время, чтобы решиться на следующий вопрос: — Что с ней будет?

Холодок пробежал по спине. Я пожала плечами. — Что бы это ни было, надеюсь, это будет быстро. — Я закрыла глаза. Взяла чистую одежду и начала одеваться.

Элиан вышел из ванной, не чувствуя ни раздражения, ни неловкости, ни стыда.

Мы не видели Алию некоторое время. Когда она появилась, то сделала это без единого слова, без единого взгляда. Я так и не узнала, что они с ней сделали, но была уверена: это было достаточно плохо, чтобы не хотеть этого знать.

Паула Гальего - Все проклятые сны
Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Ничего, что оставило бы физический след, ничего, что испортило бы другой актив.
В те годы мы усвоили, что самые жестокие формы пыток часто не оставляют следов.

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Глава 2

Я не любила встречаться в столовой.

На занятиях нас было меньше, но там могли появиться почти все Вороны одновременно, и это было, по меньшей мере, тревожно. Я провела в Ордене годы, и всё же так и не привыкла к этому морю одинаковых лиц. Можно было увидеть двух одинаковых людей, сидящих за одним столом, хотя дружба между претендентами на один проект возникала редко.

В то утро в этих четырех стенах были еще три Леона, другой Элиан, не мой, несколько Алексов... наверное, пятнадцать Лир.

Нас было больше всего, так как это была самая важная миссия, сопряженная с наибольшими рисками. Вероятность провала была очень высока, и на Воронах не сэкономили.

Были различия; мелкие детали, помогавшие мне различать соперниц. Алия всегда носила хвост; но делала это намеренно. Ничто в её поведении не было случайным. Она хотела, чтобы мы знали, кто она, чтобы её личность не стиралась, и чтобы мы узнавали её каждый раз, когда она входила в комнату. Опасная привычка для Ордена; но такой уж была Алия.

Во время завтрака Бреннан подошел к нашему столу. Я видела его впервые после инцидента и всё еще чувствовала вкус слез в горле, когда он угрожал отречься от меня. Я выпрямилась.

— Флаконы, — сказал он нам вместо приветствия.

Мы четверо повиновались и выпили на его глазах. Он должен был убедиться, что его подопечные следуют строгому режиму приема ядов, который он прописал; комбинация из трех ядов, ставшая адом поначалу: пурпурный гриб, плющ мертвецов и токсин серебряного паука.

В некоторые дни было труднее. В некоторые дни яд, хоть и в том же количестве, был более концентрированным, или наше тело было более восприимчиво к нему. Суть в том, что время от времени мы страдали от симптомов. Пурпурный гриб дезориентировал нас, от плюща мертвецов нас выворачивало наизнанку, а от токсина серебряного паука болели и немели мышцы.

Мы трое проглотили его, поморщившись. Леон запихнул в рот слишком большой кусок хлеба, чтобы поскорее избавиться от горького привкуса, который оставлял на небе пурпурный гриб.

Бреннан посмотрел на него с осуждением.

Если однажды шпионы Львов и придворные убийцы изменят свои методы, нам придется начинать всё сначала: митридатизм с другими ядами. Я надеялась, что это случится очень, очень нескоро. Начинать всегда было ужасно.

— Твои оценки по Гриму упали, — сказал он Леону. — Также по Убеждению и Манипуляции и по Истории.

Леон быстро проглотил то, что оставалось во рту. — Зато я стал лучше в Стрельбе из лука.

— Улучшение настолько жалкое, что вполне может быть случайностью, — жестко возразил он. — У тебя неделя, чтобы это исправить. Алекс, ты, напротив, стал лучше в Фехтовании и Рукопашном бою. Смотри, чтобы эти оценки не упали, — добавил он с той же суровостью.

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Тот кивнул, не ожидая похвалы. Элиан несколько мгновений смотрел на нашего наставника. В конце концов Бреннан ничего не сказал.

Он повернулся ко мне. И всё мое тело напряглось.

— У тебя будет шанс искупить вину, Лира. Непусти его.

Я кивнула. Не осмелилась спросить, снова попросить прощения или сказать хоть слово.

Бреннан развернулся и снова оставил нас одних. Леон издал громкий вздох, Алекс взялся за приборы, чтобы начать есть, а Элиан приветливо улыбнулся мне.

После завтрака мы с Элианом отправились на общий урок Грима. Там нас учили использовать доступные ресурсы для создания убедительного образа.

Наш дар был основой для подмены, но грим тоже был важен: необходимое дополнение, помогавшее нам стать лучше. Он совершенствовал маску и костюм. Помогал применять на практике всё, что мы узнавали о человеке, которого нам предстояло заменить.

Это также было бы полезным навыком для всех тех, кого не выберут в их первоначальные программы: способность создать правдоподобный образ в любой ситуации.

Элиан посмотрел на меня, собираясь что-то сказать, пока мы оба работали с куском искусственной плоти, который на наших руках должен был имитировать ожог. Однако он так и не открыл рот. Увидел во мне что-то, что, должно быть, показалось ему забавным, и громко расхохотался, насторожив парня с лицом Алекса. Тот нахмурился, глядя на нас.

— Посмотри на него, — сказала я. — Я думала, этот хмурый взгляд — фирменный знак только нашего Алекса. — Я повернулась, чтобы рассмотреть Элиана. — А тебя что так развеселило? Ты что, буквально посмеялся мне в лицо?

Элиан вскинул бровь. — Серьезно? Тебе что, пять лет?

Я слегка улыбнулась, потому что невозможно было не улыбнуться, когда Элиан дарил тебе такое очаровательное выражение лица, но не поняла. Мой друг был красив. У него не было классической привлекательности Алекса; он был другим: более милым, простодушным. У него были каштановые волосы и голубые глаза, а лицо делало его на пару лет моложе, чем он был на самом деле.

Я уже собиралась настоять на ответе, когда одна девушка выбежала из класса без объяснений. Это была одна из моих. Лира Тауни. Она закрыла лицо руками и умчалась, громко хлопнув дверью, и никто ничего не сказал. Преподавательница бросила на нас осторожный взгляд, а затем вышла из класса следом за ней.

— Эй, вот теперь тебе точно стоит это вытереть, — сказал мне Элиан. — Когда она вернется, ей будет не до шуток. — О чем ты говоришь?

Элиан склонил голову набок. Он полностью бросил то, чем занимался, и подошел ко мне ближе с гримасой, которая меня встревожила. Взял меня за щеку и провел большим пальцем над моей губой.

Я увидела кровь так же, как видел её он, густую и блестящую на подушечке его пальца.

Голос прервал нить наших мыслей. — Эй, у тебя тоже кровь.

Мы оба повернулись к ученику, который открыл рот, рядом ниже. — У Тауни шла кровь из носа, когда она уходила? — спросил Элиан быстрее меня.

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Тот кивнул. Он всё ещё внимательно смотрел на меня. — Гораздо сильнее, чем у неё.

Мы с Элианом переглянулись. Ледяной ужас поднялся из желудка по горлу и застрял на небе.

Испытание. Я была посреди испытания.

Я собрала книги, чтобы убраться оттуда как можно скорее. Не останавливалась, чтобы оглянуться, но знала, что Элиан идет за мной. Он догнал меня уже в коридоре.

— Я думал, это шутка. Что ты сама намазала кровь, — прошептал он рядом. — Я уже поняла.

Я продолжала идти. На самом деле, шла без цели, потому что не очень понимала, что делать. Знала, что за моими шагами следят. Знала, что кто-то наблюдает, и то, как я решу эту проблему, определит, сколько баллов я получу на экзамене по Ядам и Токсинам. Но понятия не имела, с чего начать.

Элиан схватил меня за запястье и остановил.

— Эй, всё будет хорошо. — Я провела тыльной стороной ладони под носом, а потом по глазам, когда поняла, что они увлажнились. — Ты проходила через это раньше и выжила.

— В те разы провал не означал смерть. В этот раз, может быть, означает. В этот раз мы старше, и Бреннан хочет доказательств, что я гожусь на что-то большее, чем плакать и получать побои.

Элиан отпустил меня, чтобы взять мое лицо в ладони. Стер своими нежными пальцами слезы, которые теперь казались кровавыми.

— Я уже пережил два таких испытания, будучи старше и имея возможность умереть, — прошептал он. Его голубые глаза поймали мои. — Ты тоже переживешь.

Я хотела ему поверить. Я должна была, потому что чувствовала: иначе сойду с ума.

Я отстранилась от него. Закончила вытирать слезы рукавом, и мне было всё равно, что всё лицо, вероятно, перепачкано кровью.

— Мне нужно в столовую. Должно быть, это случилось за завтраком. — Я пойду с тобой.

Элиан бросил свои занятия в тот день, чтобы не оставлять меня одну. Я взяла его за руку, и мы побежали.

Мы понимали, что время в таких случаях — решающий фактор. Пока единственным симптомом была кровь из носа, но мы не знали, что произойдет в ближайшие часы. Может быть, кровотечение усилится, может, я потеряю столько крови, что лишусь сознания. Как бы то ни было, я должна найти противоядие прежде, чем стану недееспособной.

Мы взяли образцы всего, что я ела на завтрак. Специально попросили те продукты, которые подавали Лирам. Проблем не возникло. Преподаватели хотели, чтобы мы могли провести исследование.

Хлеб я не пробовала, так что токсин должен был быть во фруктах, чае, яйцах или маленьком пирожном, которое я не доела.

Мы аккуратно сложили все образцы, стараясь не касаться их руками, и снова помчались в нашу хижину.

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

По дороге мы столкнулись с еще одной Лирой. У неё тоже шла кровь из носа. Она носила высокий хвост, который качался в такт каждому торопливому шагу в нашу сторону. Я знала, кто это, еще до того, как она намеренно врезалась в меня.

— Чего уставилась, пташка? — Просто у тебя красивое лицо, Алиа, — ответила я, не останавливаясь.

У меня не было особого желания драться; времени терять нельзя. Казалось, у неё тоже.

Мы захватили пару томов из библиотеки, прежде чем добраться до хижины. Там мы встретили еще одну Лиру. Я поняла, что это Тауни, потому что она всё еще держала в руке практическое задание по Гриму, словно получила страшный ожог. Похоже, все мы шли по одному следу.

— Иди внутрь, — сказал мне Элиан, когда мы добрались. — Я в лабораторию. Посмотрю, смогу ли принести что-нибудь полезное, пока остальные всё не растащили.

Я вошла внутрь как раз в тот момент, когда почувствовала, как новая струйка крови потекла из носа и капнула на губы. Холодок пробежал по спине. Должно быть, это гемотоксин, разжижающий кровь. Может, мне повезло, потому что они убивают медленнее, чем нейротоксины.

Алекс выходил, когда я входила, но остановился, как только увидел меня.

Я бросила книги на кровать. Осторожно положила образец еды на тумбочку. Потом придется всё это отмыть, если не хочу случайно отравиться снова.

Алекс ничего не сказал и не сделал. Он просто стоял там, возвышаясь надо мной во весь свой рост, скрестив руки на груди, как обычно.

— Доброе утро, Алекс. — Что с тобой случилось?

— Со мной? — возразила я, собирая волосы в пучок. — Ничего, а что со мной могло случиться?

Он посмотрел на меня с усталостью. — Сегодня четверг, — ответил он. Я вскинула брови. — По четвергам у тебя нет рукопашного боя. Кто разбил тебе лицо?

Я пожала плечами. — Я всегда думала, что четверг — прекрасный день, чтобы умереть.

До него дошло не сразу. — Яды и Токсины? — спросил он прагматично.

— Возможно, — ответила я и пожала плечами. — Не знаю. Какой еще урок это мог быть? История? Политика? Образ и Костюм?

Алекс пробормотал что-то наверняка неприятное и вышел за дверь как раз вовремя, чтобы столкнуться с Элианом, едва не сбив его с ног.

— Эй! — запротестовал Элиан, но тот не остановился. Потом он посмотрел на меня. — Что ты сделала с ним на этот раз?

— Ничего, — ответила я невинно. — Он такой серьезный... Ты нашел что-нибудь?

— Я принес кое-что, — объявил он. Мне не понравилось ни выражение его лица, ни то, как он нес всё это, накрыв тканью, в руках. — Это то, что помогло мне в первый раз.

Он подошел к кровати и выложил всё на неё. Я вытерла нос тыльной стороной ладони, прежде чем открыть коробку. Внутри было несколько флаконов, полных веществ, и пробирки с образцами. Элиан открыл остальное. Клетка с крысами.

Я глубоко вздохнула. — Нам придется выяснить, где токсин, верно?

Он серьезно кивнул. — Готовь всё. Я схожу за другими клетками, чтобы рассадить их.

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Мы знали, что яд подействует быстро, потому что прошло всего несколько минут после завтрака, когда у первой из нас пошла кровь из носа. Так что у нас было время подождать, чтобы увидеть, какая из крыс заболит, и обнаружить, что яд был в пирожном, которое я не смогла доесть из-за слишком сильного привкуса. Я немного возненавидела себя за то, что не заподозрила.

Леон вошел вместе с Алексом, когда мы обсуждали вероятность того, что токсин находится в одной из ягод. Алекс встретил его и предупредил о моем положении, прежде чем вернуться. Выругавшись, Леон сел с нами. Алекс остался в углу, молча наблюдая за ягодой из пирожного.

Это была не черника. И не смородина. Цвет был, скорее, фиолетовым. Оттенок где-то между красным и лазурным.

Я подняла голову к Элиану. — «Волчий вой»? — спросила я.

— Они растут только на севере; на непокоренных землях. Если они достали хоть один, не думаю, что стали бы использовать его в Ордене, но это возможно. Он также действует как гемотоксин.

— Также? — переспросила я.

— В первую очередь это нейротоксин. — Повисла тишина, медленная, густая. Пахло ржавчиной. — Леон, Алекс, попытайтесь найти что-нибудь, что нейтрализует токсин. Не тратьте время на поиск способа создать сыворотку от «воя»; её нет. Проще всего будет воспроизвести антитод от самых распространенных нейротоксинов и еще один от гемотоксинов. Может, это не сработает полностью, но даст нам время и этого хватит, чтобы сдать экзамен.

— Я хочу не только сдать, — возразила я.

— Сначала сдать; потому что это значит выжить. Потом посмотрим, — ответил он сурово. — Лира, мы с тобой продолжим искать, пока не найдем что-то подходящее. Чем больше у нас вариантов, тем легче будет создать правильный антитод.

Я кивнула и взяла одну из книг. Открывая её, я гадала, есть ли у какой-нибудь из моих соперниц том получше; версия более полная или более новая, дающая преимущество. Гадала, не остался ли кто-то из них вообще без книг, и что с ней будет, как она будет искать способ выжить...

Мы могли попросить помощи у инструкторов. Так бывало раньше, на других экзаменах, где яд не был смертельным; но это означало проигрыш, не только экзамена, но и кучи баллов, что сразу сбрасывало тебя вниз в списке фавориток.

— Что будет, если одна из нас не найдет антитод? — спросила я.

Я посмотрела на Элиана, но он не ответил. Лишь вернул мне взгляд; эти два кусочка синего моря в его радужках.

— Врачи будут наготове, — ответил Леон от двери.

Элиан продолжал молчать. Алекс тоже.

— Элиан?

Он облизнул губы; рассеянно опустил взгляд на страницы энциклопедии. Решил придерживаться своего мнения при себе. — Мы найдем его, — пробормотал он вместо ответа.

Я начала нервничать. — Что будет, если мы его не найдем, Элиан? — настаивала я.

— Я не хочу тебе лгать, — ответил он. — Тогда не лги.

Элиан задержал дыхание на секунду и снова посмотрел на меня.

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

— В прошлый раз, на моем последнем экзамене... один из кандидатов умер, — ответил он почти шепотом. — Он не смог определить, какой яд его свалил. К тому времени, как он попросил о помощи, когда понял... Врачи не были готовы; они не позаботились о наличии противоядий. Изготавливать его было уже поздно.

Мы снова замолчали. Никто не решался ничего сказать.

— Мы найдем его, — заверил Леон, хотя его голос прозвучал более глухо, чем обычно. — Найдем, — согласился Элиан. — Правда.

Леон и Алекс ушли в лабораторию. Мы остались там, среди книг по ядам и токсинам, которые нам удалось раздобыть. Мы составили список из трех возможных вариантов:

«Волчий вой». Укус химеры. Поцелуй звезд.

Только укус химеры был чистым гемотоксином. И «Волчий вой», и «Поцелуй звезд» содержали также нейротоксин. Все три, однако, вызывали симптом, который я уже знала: кровотечение из носа, а вскоре из глаз, и, возможно, из ушей.

«Волчий вой» мы изучили. Если это были те ягоды, сначала они разжижают мою кровь. Я буду истекать кровью, пока остановить её станет невозможно. Потом тошнота, спутанность сознания, сонливость... Худшая часть начнется с галлюцинаций. С этого момента в одиночку шансы на обратимость будут минимальны. Постепенно мое тело парализует: конечности, туловище, сердце. Я перестану дышать.

Кровотечение, тошнота, галлюцинации, паралич и, наконец, смерть.

Укус химеры также вызывал кровотечение. Несмотря на то, что он не был нейротоксином, это был худший из вариантов именно потому, что перед полным коллапсом был лишь один симптом: острая, интенсивная и разрывающая боль, как от укуса насекомого, если бы оно было чудовищным. После этого моя кровь стухла бы настолько, что вены не смогли бы её проталкивать.

Кровотечение. Боль. Смерть.

С последней ягодой ты истекал кровью, мышцы немели, а нервная система начинала отказывать после бреда. Галлюцинации были настолько сильными, что ты даже не замечал, что задыхаешься.

Кровотечение. Онемение. Галлюцинации. Смерть.

Жертвы этой ягоды умирали с губами мертвенного оттенка, холодными, как поцелуй звезд.

Они оба вернулись с препаратами, когда у меня началось более сильное кровотечение: из носа, глаз и ушей.

К тому времени я уже поняла кое-что важное: если я приму оба противоядия, я спасусь, каким бы ни был яд, но единственным способом выяснить, какой токсин меня убивает, было бы исследование; а в этих книгах могло не оказаться ответов, которые мы искали.

Поэтому, когда он протянул мне антидоты, я отказалась.

Леон этого не понял, а Элиан промолчал, заразившись его страхом. Леон сказал, что я сошла с ума, что несколько очков в рейтинге того не стоят. Но Бреннан ясно дал понять этим утром: это был мой шанс доказать ему, что он во мне не ошибся, что я всё еще могу быть полезна, что я заслуживаю его защиты.

Леон встал передо мной с двумя флаконами. — Я не позволю тебе убить себя ради теста. — А я не собираюсь тебя слушать.

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Он выдержал мой взгляд. — Либо ты выпьешь это, либо я залью тебе в глотку. Ты знаешь, я сильнее тебя.

Меня удивило, что Леон так нервничает, так готов проявить агрессию; но еще больше меня удивила позиция Алекса, который отошел от стены и встал передо мной, загромождавая меня от очень встревоженного Леона.

— Пусть она решает.

Забавно. Думаю, это был первый раз, когда я в чем-то с ним согласилась.

— Какая муха вас обоих укусила? — фыркнул Леон. — Ты выбрал не лучший момент, чтобы встать на её сторону. — Она приняла прагматичное решение. Давайте уважать его, — настоял он, скрестив руки на груди.

Леон посмотрел на меня через плечо Алекса, всё еще не веря своим ушам. Затем покачал головой, вскинул руки и отошел, заметно раздраженный. Сделал вид, что уходит. Я видела, как он подошел к двери, и думала, что он уйдет. Однако в последний момент он издал рык разочарования и вернулся в хижину, усевшись в итоге на койку напротив моей.

Он поможет, не бросит меня; даже если не согласен.

Время остановилось в тот момент. Никогда еще ожидание не было таким долгим. Элиан сел рядом со мной, провел рукой по испачканным простыням и сжал мои пальцы своими. Они остались со мной; до конца.

В итоге я привалилась к стене рядом с Леоном, который в конце концов снова смягчился. Он лег рядом, взял кусок ткани и время от времени вытирал кровь с моего лица.

— Чувствуете? — спросила я спустя какое-то время. — Что? — терпеливо спросил Элиан. — Пахнет горелым деревом, — заверила я их с раздражением. — На самом деле, пахнет горелой гнилой древесиной. Боже мой. Что они там делают?

Я приподнялась как могла, чтобы отодвинуть занавески. Снаружи туман был таким густым, что едва можно было разглядеть ближайшие хижины. Дальше, у первой линии деревьев, лес выглядел так, словно сошел со страниц одной из страшных легенд о Волках, которые мы изучали. Элиан тоже встал.

Я уже собиралась отойти от окна, когда что-то привлекло мое внимание. Желчь подступила к горлу.

Посреди тумана, между хижинами, несколько женщин вокруг колыбели пристально смотрели на меня.

Сильный запах горелого дерева снова ударил в нос, вызвав тошноту. Первобытный ужас пополз по желудку, когда я поняла, что эти женщины — те самые, из моего сна. Это ведьмы, *соргинак*. Галлюцинации исключили укусы химеры.

Я могла бы рискнуть всем ради двух вариантов, но знала, что этого будет недостаточно для Бреннана, поэтому не остановилась на этом.

— Еще немного, — пообещала я.

Мне не пришлось лгать. Через несколько минут спазм заставил меня выблевать всё, что оставалось в желудке.

«Волчий вой».

Я приняла антидоты. Ничто не остановит его полностью, потому что мы еще не знали полностью эффективного способа, но я поправлюсь.

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Алекс подошел ко мне и в последний момент, казалось, не зная, что делать, нервно похлопал меня по спине. Леон смог выдохнуть. Элиан сжал меня в медвежьих объятиях.

Я была не единственной, кто в том испытании выяснил, чем нас отравили. Помню, Алия тоже узнала.

— Я проверила на крысах всё, что съела, и нашла засахаренные ягоды, замаскированные сладким вкусом в пирожном. Я сузила круг до трех возможных вариантов, основываясь на симптомах.

— И как ты исключила два других варианта? Я посмотрела на Бреннана, который не сводил с меня глаз. — Я позволила своему состоянию ухудшиться намеренно, пока не развился симптом, который не соответствовал двум токсинам.

Некоторые из моих соперниц обернулись, чтобы посмотреть на меня. Шепот пробежал среди остальных учеников. Я знала, что им это понравилось, что экзаменаторы оценили эту способность к самопожертвованию; но мне было на них плевать. Сейчас я думаю, что мне было плевать даже на победу.

Я снова нашла своего наставника, и Бреннан кивнул мне. Следующий вдох я ощутила так, словно снова начала дышать после вечности под водой.

Я также была не единственной, кто подверг свою жизнь опасности, чтобы изучить симптомы, но всё же я победила... потому что я была единственной, кто смог об этом рассказать.

Мы больше не видели Тауни.

Часть меня чувствовала удовлетворение. Другая — страх. Ледяной и уродливый ужас, липнувший к костям. Я взяла эту часть и заперла её глубоко внутри, в темном углу, под патриотизмом и гордостью; в том же месте, где хранила воспоминание о женском голосе, шепчущем мое настоящее имя с материнской нежностью.

Бреннан не поздравил меня, и я почувствовала себя немного глупо из-за того, что ждала этого. Победа была моей ответственностью и долгом, а не заслугой, которую стоит восхвалять.

Несколько дней спустя мы вернулись к нашей рутине.

Были и другие испытания. Мы помогали друг другу каждый раз, совершенствуя техники, улучшая знания... Подопечные Бреннана всегда были одними из лучших на внезапных экзаменах по Ядам и Токсинам, потому что у нас были мы. Худшим испытанием, безусловно, стало испытание Леона, которого отравили «Волчьим воем» и Грозовым плющом — жестокой смесью ядов, к которой нас не готовили и которая вывела из программы двух учеников. Но не нашего Леона. Он сумел выжить.

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Глава 3

Мне было шестнадцать, когда мы пережили один из самых ужасных периодов в Ордене. Лира заболела, и нам пришлось заболеть вместе с ней.

Поначалу этому не придали особого значения. Принцесса потеряла два килограмма за три дня, и мы тоже должны были их потерять: много упражнений, мало еды и травы в помощь. Это не беспокоило ни Бреннана, ни других наставников. Мы должны были поддерживать максимальное сходство в любой момент, но они считали само собой разумеющимся, что Лира скоро поправится и снова наберет вес.

Она не поправилась.

Первые дни превратились в неделю; два килограмма превратились в пять. По словам наших шпионов в Сирии, Лире не становилось лучше. Её организм не удерживал пищу, и она едва могла пить жидкость, которую всё равно в итоге извергала обратно.

Именно тогда наставники приняли меры: наш врач разработал для нас диету. Целью было потерять как можно больше веса, избежав необратимых последствий. Однако не существовало здорового способа похудеть так резко.

Они также удвоили физические нагрузки, чтобы ускорить потерю веса; но вскоре это перестало быть возможным. Мы остались без сил, и двойные смены отменили.

Я ненавидела это. Я предпочитала быть занятой. Что угодно было лучше, чем думать о голоде и о времени, оставшемся до следующего кусочка пищи.

В течение трех долгих, бесконечно долгих недель я теряла вес так же, как и Лира. Я перестала спать, у меня начало болеть всё тело, и энергия иссякла.

Однажды я порезалась на уроке фехтования. Рана загноилась и не заживала так, как должна была. Мое тело было слабым и больным и не справлялось. Тот маленький порез на запястье, на открытом участке кожи, лишил меня сна на несколько дней, так же как лишил сна шрам за ухом.

Рана, которую нанесла мне Алиа, так и не исчезла бесследно. Она зажила, затянулась, и я лечила этот след, но осталось едва заметное напоминание, повторяющее дугу за ухом. Я не хотела, чтобы то же самое случилось снова.

Бреннан заставлял меня пить настои из всевозможных целебных трав; зелья, от которых я не наберу вес, но которые помогут сохранить хоть немного энергии. Если они и помогали, я этого не замечала. Возможно, без них было бы хуже.

Занятия стали короче, так как никто из нас не мог долго концентрировать внимание. В конце концов отменили все те, что требовали расхода энергии, но Бреннан заставлял меня тренироваться самостоятельно.

Я была истощена и не справлялась. Мне пришлось бросить митридатизм. Бреннану это тоже не понравилось, но он заверил меня, что альтернативой было бы продолжить травиться и умереть от дозы, которая не должна была меня убить. Мое тело было слишком слабым, чтобы продолжать. Нас утешало лишь то, что ни одному преподавателю не пришло бы в голову устроить еще один внезапный экзамен по Ядам и Токсинам в нашем состоянии. Вероятно, они потеряли бы нас всех.

Пару дней назад я проспала и не появлялась на занятиях всё утро. Моим единственным утешением было то, что мы все были в одинаковом положении, и хотя мои оценки снизились, мой рейтинг в списке — нет.

Худшее случилось однажды на уроке Языческой культуры.

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Это произошло внезапно. Инструктор показывала нам красивые, а порой и пугающие гравюры с изображением магических существ, населяющих земли Волков: *соргинак*, *хиру*, Тартало, Ламию с её золотым гребнем... когда сдавленный крик прервал её объяснения, и мы все повернулись туда, где одна из нас вскочила и с ужасом смотрела на другую.

Рядом с ней претендентка только что рухнула на парту.

Я не знала, кто это был. Не могла узнать, глядя на неё, лежащую там, с закрытыми глазами и обмякшим телом. Не смогла выяснить это, и оглядевшись вокруг, наблюдая за остальными и исключая их, потому что у всех была одна и та же реакция; всем нам было страшно.

Я видела, как умерла одна из моих товарищей, не осознавая этого. И узнала, кто это была, лишь много позже.

Мира. Это была она, еще одна претендентка, страдавшая от болезни Лиры так же, как и я. Она не вынесла той дикой потери веса, сломалась, впала в глубокий сон, из которого врачи не смогли её разбудить, и через несколько дней её тело тоже умерло.

Казалось, это должно было что-то изменить; но этого не произошло. Её смерть легла на нас тяжким грузом, но мы продолжили готовиться: а готовиться означало продолжать болеть, продолжать позволять себе умирать.

Я знаю, были собрания; инструкторы Ордена говорили с директором, с теми, кто командовал, все спрашивали себя, что будет, если Лира не сможет победить болезнь...

Наши наставники тоже нервничали. Их роль заключалась в том, чтобы добиться избрания своих подопечных, и если бы я упустила такую огромную возможность, как подмена Лиры, это стало бы поражением и для него тоже. Так что обстановка была напряженной. Он следил за мной пристальнее, удвоил количество командных собраний и следил, чтобы я неукоснительно посещала врача каждое утро перед началом рутины.

В ту ночь я легла спать гораздо раньше остальных. Задернула шторы в хижине, закрыла дверь и забралась под одеяло. Я слышала, как один из моих вошел вскоре после этого, а позже и другие. Думаю, я слышала их всех, потому что так и не уснула по-настоящему. Болел живот, и в голове гудело. Однако я не сдвинулась с места. Я ждала и чувствовала, как все осторожно заходят внутрь, стараясь не шуметь. Все, кроме Леона.

— Эй, — позвал он меня. — Я знаю, что ты не спишь. — Иди к черту, Леон. Дай мне поспать. — Я тебе кое-что принес.

Я не смогла удержаться. Слегка опустила простыню, которой укрывалась с головой.

Сначала я увидела его, сидящего на краю кровати, с его светлыми кудрями, слегка влажными от дождя, который я уже давно слышала снаружи, с бледными, но покрасневшими щеками и таким же красным кончиком носа. Потом увидела остальных, каждого на своей койке, внимательно смотрящих на нас.

Леон поднял руку и показал мне яблоко.

Я резко села. — Ты украл его? — почти выкрикнула я, сжимая яблоко в руках. — Из столовой. — Он улыбнулся. — И это тоже.

Он вытащил руку, спрятанную за спиной, и показал мне что-то завернутое в лоскут ткани. Я быстро развернула сверток и обнаружила горсть очищенного миндаля; глаза почти наполнились слезами.

— Миндаль.

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

У меня не было времени благодарить его. Я сунула первый орех в рот без вопросов, не дожидаясь объяснений. Я смаковала их с закрытыми глазами, готовая разрыдаться.

— Думаешь, помогаешь ей, но делаешь только хуже. — Голос на мгновение разрушил иллюзию.

Алекс наблюдал за нами со своей койки у ванной с осуждающим выражением лица. — Ой, да ладно. Заткнись, — возразил Леон. — Это ей не повредит. — Это заставит её набрать вес, и потом Бреннан заставит её сбрасывать его еще жестче, — ответил он тем же угрюмым тоном.

— Мне плевать, — ответила я, хотя, возможно, он был прав.

Это было первое, что я ела за долгое время, и последнее, что мне предстояло попробовать до следующего утра. В тот момент меня не волновали последствия, вес или возможное наказание. Я взяла еще один миндаль и положила в рот. Алекс продолжал смотреть на нас, но испортить этот момент было невозможно.

— Клянусь всеми воронами, Леон. Я тебя так люблю, знаешь?

Он сказал, что да, знает, оставляя яблоко на краю моей койки и вставая, чтобы направиться к своей.

Снаружи лило как из ведра, и буря не давала спать половине Ордена, но я смогла уснуть.

Алекс оказался прав. То, что я легла спать с полным желудком, привело к тому, что утром вес увеличился. Мне пришлось тренироваться больше, пришлось слушать предупреждения Бреннана о том, что может случиться, если на следующий день цифра останется прежней.

Вероятно, он знал, что мы сделали. Или, по крайней мере, догадывался, что мне удалось как-то сжульничать. Он не упомянул об этом. Ему было достаточно посмотреть на меня этими карими, холодными и отстраненными глазами и напомнить, чем я рискую.

— Если ты провалишься сейчас, ты будешь не лучше того языческого мусора, который Моргана сжигает на костре.

Я ненавидела его за это. Ненавидела, потому что он был прав. В моих венах текла проклятая кровь, которой меня обрекли древние боги, и за пределами этого Ордена мое существование было абберрацией, грехом, за который меня бы убили.

На следующий день вставать на весы было гораздо страшнее, и результат был намного хуже.

Я помню тот период так, словно каждый день шел дождь. Возможно, это было не так, но в моей памяти эти дни темные, укрытые холодной, влажной и мрачной пеленой.

Лири болела почти четырнадцать недель. В первый раз, когда весы не показали снижения, мы увидели в этом некую надежду. В первое утро, когда вес вырос на полкило, я расплакалась. Я плакала перед Леоном, который посмеялся надо мной, а потом прижал меня к себе и гладил по голове, пока плач не превратился в смех.

Я посетила могилу Миры в тот день, когда нам сказали, что Лири снова набирает вес, что скоро она полностью поправится.

Алекс предложил меня проводить. — Почему? — спросила я. — Потому что ты едва на ногах стоишь, — ответил он резко.

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

У меня не было сил спорить; что, как ни странно, возможно, доказывало его правоту.

Прежде чем согласиться, однако, я посмотрела на Леона, ожидая, что он тоже предложит, но мой друг этого не сделал. Элиан, всегда такой внимательный, тоже не вызвался. Так что я приняла предложение Алекса, и мы вдвоем дошли до границы, очерченной стенами.

Орден располагался внутри цитадели, в маленьком мире, отделенном от всего остального: у нас были святилище, аптека, пекарня и кладбище. Те, кто жил там, работали там: те, кто обеспечивал нас пропитанием, те, кто нас обучал. Он был не очень большим, но достаточно просторным, чтобы я устала, пересекая его из конца в конец.

Я так и не узнала, как на самом деле звали Лиру Миру. Трудно было понять, и, возможно, это пугало, что нам не возвращали имя даже после смерти.

Алекс, должно быть, почувствовал нечто подобное, глядя на это безымянное надгробие. Не знаю, о чем именно он думал; но знаю, как перевернулось его сердце.

— Меня зовут Лоренцо, — прошептал он.

Я повернулась к нему. Ему не нужно было говорить мне, чтобы я никому не рассказывала. Было что-то запретное, почти священное в том, чтобы произнести это вслух, и мне бы и в голову не пришло повторить это без его разрешения.

Я знала, что никогда больше не увижу своего собственного лица, своего облика. Я почти забыла, каким был мой нос, какими глаза. Скоро исчезнет последнее воспоминание. От того человека мы сохранили только имя. Отдать его кому-то было важно.

— Одетт, — призналась я.

Я почувствовала укол боли, услышав это вслух. В тот момент я подумала, что, возможно, никогда больше не услышу, как кто-то его произносит.

Он тоже ничего не сказал. Лишь посмотрел на меня сложным и торжественным взглядом, прежде чем кивнуть.

Я отпустила его руку, когда мы прошли уже половину обратного пути, думая, что, возможно, ему уже надоело тащить меня. Однако, когда мы подошли к перепаду высот, где была лестница, он взял меня за руку.

Это было так неожиданно, что я остановилась. Помню, как почувствовала этот странный взгляд, занервничала и пожалела, что выдала, насколько сильно меня это удивило.

Но Алекс уже снова хмурил этот свой чертов лоб, ожидая, пока я что-то скажу или снова пойду. Он понял. Заметил, что дело в руке, что, возможно, мне некомфортно. Его пальцы отделились от моих и снова мягко сжали их, словно он почувствовал необходимость разомкнуть и сомкнуть их.

Это был вопрос. Я ответила, не проронив ни слова, и продолжила идти с ним.

Это был первый раз, когда я подумала, что Алекс, возможно, видит во мне не просто еще одну напарницу. Помню, это была мимолетная мысль, которая загорелась в глубине желудка и поднялась к горлу, когда мы продолжили идти за руку, даже когда лестница закончилась. Я отправила эту мысль на дно того места, откуда она пришла. Взяла её, затолкала обратно во тьму и заперла.

По прибытии, заметив взгляды Леона и Элиана, необычное молчание, я поняла, что они рассмотрели эту возможность гораздо раньше меня, и что-то начало меняться.

Паула Гальего - Все проклятые сны
Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Глава 4

Однажды ночью, когда улыбка Элиана была намного грустнее обычного, мы сбежали.

В тот момент его просьба показалась мне глупостью, почти забавной шуткой.

Он хотел, чтобы мы нашли гребень Ламии. Я спорила с ним шепотом, под одеялом его кровати, чтобы остальные нас не услышали. Свет догорающей свечи — вот и всё, что нас освещало. Я сказала ему, что этого гребня не существует, что это сказка из других времен. Он настаивал, что в сказках всегда есть доля правды.

— Влюбленный человек, который просит Ламию воссоединить его с возлюбленной, — прошептал он. Эта такая грустная улыбка, которая была синей весь день, теперь казалась золотой и сияющей в мягком пламени свечи. — Храбрый король, который просит закончить войну, чтобы его солдаты перестали умирать, мальчик, который осмеливается войти в её пещеру и которого осыпают богатствами... Сказки говорят, что Ламия живет в любой пещере у воды и что там же спрятан потерянный гребень. На этом острове есть пещеры и есть море.

— Клянусь всеми Воронами, Элиан, — прошептала я. — В легендах, которые знаю я, Ламия убивает тех, кто к ней приближается: влюбленного съедают, король страдает от её гнева, а мальчик никогда не возвращается из её пещеры.

— И во всех этих сказках фигурирует гребень, — возразил он, и решимость его не пошатнулась. — Гребень существует, и Ламия исполняет желания в обмен на него.

Я видела это в его глазах, в глубокой синеве моря, что обитала в них: ему нужен был гребень, потому что у него было желание. Я поймала себя на том, что гадаю, какими были его радужки на самом деле, как он выглядел под этой личиной, которую я научилась любить.

— Что ты хочешь у неё попросить? — спросила я. — Пойдем со мной искать её, и я расскажу.

Я могла бы признаться ему, что в первый раз, когда услышала эту историю, будучи еще ребенком, я сама отправилась искать Ламию. Могла бы сказать, что это детские фантазии, что мир намного темнее, а реальность — жестока. Но эти глаза не позволили мне этого сделать.

Мы пересекли лес, который так пугал по ночам, и сделали это, затаив дыхание и втайне думая о *хиру*, которые, как предполагалось, были далеко от нашего острова, пока не добрались до грота, где, как верил Элиан, мы найдем Ламию. Это даже нельзя было назвать пещерой. Это был утес на берегу моря, где воды подточили камень, открыв узкую, но достаточно высокую полость, чтобы мы могли стоять там в полный рост.

Нам потребовалось едва ли не больше времени, чтобы добраться до неё, чем чтобы пересечь лес и выйти к пляжу, и когда мы это сделали, то не стали терять времени. Мы оба вошли и начали искать, хотя я толком не знала, что он надеялся найти.

Это казалось невозможным прыжком веры. Искать Ламию именно в этом месте, просто потому что это было самое похожее на пещеру поблизости... но я всё равно это делала, потому что Элиан, казалось, был убежден.

Там ничего не было, но я не произнесла этого вслух, пока он сам не сдался и не сел на краю, свесив ноги с обрыва. За нашей спиной тьма грота поглощала всё, а перед нами последняя линия горизонта казалась дверью в бесконечность.

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

— Мне жаль, что ты ничего не нашел, — сказала я ему. — Неважно. Я знал, что это практически невозможно, — ответил он.

Морской бриз взъерошил ему волосы. — Что бы ты попросил?

Элиан на меня не посмотрел. — Чтобы она вернула мою маму.

У меня в горле встал ком. Он никогда не говорил мне о ней. Никто из нас этого не делал. Все мы оказались в этом Ордене по одной причине: родители мертвы или достаточно напуганы нашим даром, чтобы бросить нас или продать Воронам.

— Она?.. Он кивнул. — Умерла, или, по крайней мере, такова официальная версия. Я пытался проверить в прошлом году, но в больнице не было записей.

— Ты сбегал из цитадели?

Элиан кивнул, немного смущенно. — Мне нужны были ответы, хотя я их не нашел. Думаю, она была не отсюда. Я помню кое-что, знаешь? Помню яркую зелень папоротников, помню холод снега на коже и тепло шоколада, который кто-то готовил для меня, пока меня укутывали в тепленькое одеяло... Тот, кто готовит тебе шоколад и укутывает в одеяло, не мог бы бросить тебя по своей воле, правда?

— Не думаю, — сказала я ему, хотя не знала, что он хотел услышать. — Мне жаль.

Элиан подарил мне теплую улыбку. — А твои родители?

— Тоже мертвы, — ответила я. — Или так мне всегда говорили. Я не проверяла.

И не хочу, подумала я. Альтернатива была бы болезненнее. Если бы я узнала, что мои родители живы и продали или бросили меня... в тот момент я думала, что не смогла бы этого вынести. Думала, что умерла бы от горя.

— Мне тоже жаль, — прошептал он. Он продолжал смотреть на море, словно говорил это самому себе. — Ты их помнишь?

— Кажется, я вижу их во сне, — ответила я. — Иногда я вижу их перед своей колыбелью; но мне никогда не удается сфокусироваться на их лицах. Думаю, я была слишком мала, чтобы помнить, какими они были.

Элиан задумчиво кивает. Проходит несколько мгновений, прежде чем он решается заговорить снова. — Я подумал, что если пожелаю, чтобы мама не умерла, всё может стать иначе.

Я поняла, что он имел в виду. — Ты бы ушел с ней? — Ты, должно быть, думаешь, что я совсем дурак, да?

Он посмотрел на меня так, что у меня внутри всё сжалось и перевернулось, заставив наклониться вперед и заключить его в объятия, хотя он был гораздо выше меня.

— Конечно, нет, — отругала я его. — Если однажды я найду этот гребень, я пожелаю, чтобы твоя мама вернулась.

Элиан рассмеялся и с нежностью отстранил меня. — Ты могла бы пожелать для себя чего угодно другого. — Я попрошу еще два желания, и тогда пожелаю, чтобы твоя мама жила, а потом — бесконечный источник сладостей для меня.

Он издал радостный смешок, который звучал еще красивее на фоне шума волн. Грусть, пропитавшая его, не делала его менее прекрасным. Напротив, он казался особенным, исходя от того, кто так страдал.

— Почему не попросить три и пожелать еще, не знаю, чего-то важного? — Важнее сладостей? — Например, красивое платье, — возразил он восхищенно. — Или кота. — В смысле кота? — сказал он, умирая со смеху. — Я не спрашивала, но не думаю, что Бреннан позволил бы нам держать его в хижине.

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Элиан толкнул меня локтем. — Спроси его. Может, нам и не понадобится гребень в конце концов. — Возможно.

Я улыбнулась. Он улыбнулся. Мы молчали, считая секунды между волнами.

— Лира, — сказал он мне. — Да? — Если бы я нашел гребень, я бы тоже попросил два желания. Я бы пожелал, чтобы ты никогда здесь не оказалась.

Что-то надломилось внутри меня, тончайшая и хрупкая нить, которую я постаралась восстановить как можно скорее, нитка за ниткой, волокно за волокном, пока шрам не стал прочным и я не смогла снова заговорить.

— Спасибо, — сказала я ему.

Мы вернулись в Орден прежде, чем нас хватились.

Мы больше не говорили о гребне Ламии.

Вскоре зимние празднества Львов завладели нашим вниманием настолько, что та ночная вылазка отошла на второй план, обреченная стать смутным воспоминанием, наполовину сном, наполовину реальностью.

Остров Воронов перенял некоторые праздники Львов, ведь знать их обычаи и традиции так, словно мы прожили их сами, было работой каждого, и февраль принес с собой один из наших любимых.

Праздники *отсайла*. На запретном языке магии *отсайла* буквально означало «месяц волков». Изначально они проводились в честь Волков, но Львы присвоили их много лет назад, чтобы сакрализировать и превратить в нечто более элегантное и достойное.

Именно эти праздники мы и отмечали: банкеты, танцы, кукольные представления... и свободное время — редкое благо в Ордене.

В ту ночь мы все отправились развлекаться. Даже Бреннан дал нам разрешение.

Был небольшой кукольный спектакль, представление с настоящими актерами и актрисами, уличные танцы и жонглирование огнем. Был ларек с карамельными яблоками для инструкторов, где мы не могли ничего купить, потому что нам не разрешалось иметь деньги, и несколько балаганов, где можно было проверить меткость или выставить свои навыки на суд зрителей в обмен на аплодисменты или свист.

Я какое-то время гуляла с Элианом и Леоном между прилавками, пока первого не позвал кто-то из его друзей — он был популярным парнем, — а второй, пожалуй, слишком увлекся одной из игр. Оставшись одна, я отошла к фонтану на площади, откуда открывался прекрасный вид на палатки, где некоторые демонстрировали свои таланты.

— Наслаждаешься ярмаркой?

Голос Алекса заставил меня вздрогнуть, когда раздался прямо над ухом. Меня немного удивило, что он смог застать меня врасплох; всегда такой резкий и порывистый. Иногда я забывала, что нас всех обучали одним и тем же искусствам, и, хотя его истинная натура была шумной, он мог быть незаметным; куда более незаметным, как он только что доказал.

Я заметила, что его руки не пусты. В одной он держал карамельное яблоко.

— Где ты это взял?

Он поднял яблоко, словно сам не осознавал, что держит его, до этого момента. — В ларьке, — ответил он решительно. Потом улыбнулся: широкой, доброй улыбкой, которую я видела нечасто. — Я принес его, чтобы поделиться с тобой.

У меня вырвался смешок. — Почему?

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Он удивился. — В смысле «почему»? — Он протянул мне палочку, чтобы я взяла. — Потому что знаю, что ты любишь сладости и что ты давно их не пробовала.

Это была правда. Во время болезни Лиры я мечтала только о сладком, а потом, какое-то время, мне всё еще приходилось сдерживать себя; мой организм, всё еще слабый после лишений, не принимал определенную пищу.

— Да, я люблю их, — пробормотала я, внезапно занервничав. Прогулка, которую мы совершили всего несколько дней назад, когда я начинала поправляться, всплыла в памяти. То ощущение, то подозрение, которое я затолкала вглубь сознания, просочилось сквозь щель. — Ты что, угрожал кому-то, чтобы его достать?

Он издал очень тихий смешок, от которого волоски у меня на затылке встали дыбом. — У меня свои методы. — Какие методы, Алекс? Я каждый день вижу твой угол в хижине, и он такой же убогий, как и мой.

Он вскинул бровь и открыл рот, чтобы что-то сказать, но, казалось, передумал. Покачал головой и снова показал мне яблоко. Потом я забыла об этом. Забыла о замешательстве. В тот момент я не умела читать знаки.

— Ты хочешь его или нет?

Я взяла деревянную палочку, не особо раздумывая. Почувствовала тепло его пальцев, лишь легкое касание к коже. Откусила кусочек, разбив карамель с приятным хрустом.

— Это лучшее, что я когда-либо ела, — пробормотала я с набитым ртом.

Алекс снова рассмеялся тем смехом, к которому я не привыкла, смехом, который зажег что-то внутри меня. Было приятно слышать, как он смеется.

— Лучшее? — Миндаль, который принес мне Леон в тот раз, мог бы поспорить с этим яблоком; но да, лучшее.

Я вернула его ему, чтобы он тоже мог поесть.

— Хочешь прогуляться? — Куда ты хочешь пойти? — ответила я, удивляясь всё больше. — Никуда. Просто хочу погулять с тобой.

Вероятность того, что Алекс интересуется мной не только как напарницей, становилась всё реальнее, и при мысли об этом я чувствовала пронзительную панику, которая время от времени, когда я чувствовала себя смелее, превращалась в теплое чувство.

— Конечно, идем.

Мы пошли куда глаза глядят, пока я гадала, как, черт возьми, он раздобыл яблоко, и наслаждалась каждым кусочком. Мы оказались у главного святилища, башни рядом с небольшим зеленым уголком, где проводили некоторые свободные вечера.

Оттуда огни ярмарки были яркими точками в темноте, а приглушенный гул толпы — лишь эхом сна. Мы поднялись по небольшому склону до последней линии деревьев этого зеленого уголка. Я прислонилась спиной к одному из стволов, а он встал напротив меня.

— Напомни мне, когда мы в последний раз это делали, — попросил он низким, бархатистым голосом. — Что «это»? — засмеялась я. — Яблоко, прогулка или разговор?

— Это было давно, правда? — Он улыбнулся. — Скорее, этого не было. Думаю, мы не делали этого... никогда, — ответила я.

Алекс покачал головой и облизнул нижнюю губу, словно не мог поверить; словно не до конца верил. Даже тогда я не сумела истолковать это недоумение так, как должна была.

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

— Почему? — Он потер затылок. — Не могу объяснить.

Я тоже засмеялась. — Ну... вот это не помогает. — Я протянула руку и сделала шаг к нему, чтобы коснуться морщинки между его бровей. В тот момент, однако, от хмурого взгляда не осталось и следа.

— Жаль, — согласился он. — Ты невероятно интересный человек, Лира. Мы должны были... больше разговаривать, ты и я. Не могу поверить, что мы не... — Он остановился, внезапно занервничав. — Держи, пока я его не доел.

Он протянул мне яблоко, и я уже собиралась взять его, когда он убрал его от моих жаждущих пальцев. Бросил на меня взгляд и снова поднес его, на этот раз к моим губам. Я откусила, неуверенно, что заставило нас обоих понимающе рассмеяться.

Он снова предложил мне его после еще одного укуса, и прежде чем я успела дотянуться, быстро убрал, наклонился ко мне и украл поцелуй со сладким вкусом карамели.

Порывистым было только начало. Он прижался губами к моим, и когда понял, что я не отстраняюсь, этот порыв стабилизировался. Он сделал шаг ко мне, потом еще один, и одна его рука взяла мое лицо в пальцы.

Я закрыла глаза, когда он приоткрыл губы в приглашении. Он бросил яблоко на землю, и мне было всё равно, даже если я не увижу такого еще много лет. За долю секунды единственным, что имело значение, стали его руки на моей коже, его губы на моих, его горло, издавшее стон, от которого я растаяла.

Несколько парней из Ордена видели, как мы возвращались на ярмарку той ночью вместе, и нам обоим было всё равно. Он ушел, чтобы с кем-то увидеться, а я затерялась среди ларьков, наслаждаясь кукольными театрами, любительскими представлениями и зрелищем студентов, с треском проваливающихся испытания на ловкость.

Я вернулась в хижину поздно, когда уже болели ноги и тяжелели веки, а сердце продолжало биться так сильно... настолько, что я подумала: может быть, Алекс захочет побыть со мной еще немного.

Когда я пришла, его там еще не было. Зато Леон и Элиан уже находились внутри хижины; оба стояли в центре комнаты: Леон — уперев руки в бока, а Элиан — скрестив их на груди.

— Привет, — поздоровалась я с ними. Они одарили меня осторожным, немного напряженным взглядом.

Я села на койку, понимая, что с ними что-то происходит, и скрестила ноги в ожидании. — Кто умер?

Они переглянулись. Дерьмо. Что-то действительно случилось.

Леон потер затылок. — Вас видели, — выпалил он быстро, словно срывая пластырь. — Сегодня вечером, на холме перед святилищем.

Я покачала головой, не понимая, к чему такая осторожность. — И?

Они снова переглянулись и тут же отвели глаза, словно пытаясь решить, чья очередь объяснять мне, почему их так глубоко задел поцелуй с товарищем. Нашим наставникам никогда не было дела до того, что мы творим в свободное время. Нас учили так, чтобы мы все осознавали: любые отношения, которые у нас могут возникнуть, всегда будут вторичны.

Первым делом — миссия. Орден. Вороны. И Алекс, и я это понимали. Я не видела ничего плохого в том, чтобы обменяться парой поцелуев, если это ничего не меняло.

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Леон хотел что-то сказать, но фыркнул. Элиан открыл рот и замялся. — Мы не говорим, что ты не можешь... Просто... Это твое решение, Лира, но тебе не кажется, что?..

— Тебе не кажется, что ты перешла все границы? — закончил за него Леон чуть громче.

Я скрестила руки на груди, слегка раздраженная. — А вам-то какое дело?

— Никакого, — примирительно ответил Элиан. — На самом деле, никакого. Это твоя жизнь. Ты можешь делать что хочешь, и если он тебе нравится... нам нечего сказать. Просто кажется, что...

— Кажется, будто ты хочешь довести Алекса до гребаного инфаркта, — добавил Леон.

— Да. Не злись, но, может, ты могла бы быть сдержаннее... ради него.

— Что? — Я моргнула. — Ему было всё равно, что нас...

Я не успела ответить, потому что входная дверь распахнулась с неестественной силой. Вошел Алекс, хлопнул дверью так, что петли, должно быть, задрожали, и прошел внутрь, не глядя ни на кого из нас троих. Леону пришлось сделать шаг назад, чтобы тот его не снес.

Я застыла, сбитая с толку и удивленная. Возможно, если бы я подумала немного, всего чуть-чуть, прежде чем говорить, я бы догадалась.

— Да что, черт возьми, с тобой такое? — спросила я, а потом обратилась к остальным: — И что, черт возьми, со всеми вами такое?

Алекс повернулся ко мне с выражением лица, которое я хорошо знала. Он не был похож на того парня, что был со мной недавно. Не осталось ни капли обаяния, ни следа той любезной улыбки и легкой беседы.

И тут меня осенило: он казался другим человеком. Ох, черт.

— А ты как думаешь? — спросил он.

Я молчала, ничего не говорила, потому что только что всё поняла.

Он тоже не стал ждать ответа. Возможно, не хотел меня слышать. Казалось, он не хотел слушать никого. Он выругался, пнул сапоги, которые кто-то оставил в углу — вероятно, Элиан, — и снова вышел из хижины, весь — ярость и разочарование.

Помню, как удивление тут же сменилось гневом, а гнев — эмоцией похуже, более плотной и ужасной, похожей на желчь, которая потекла по горлу и костям. Я почувствовала её на небе, в сладком послевкусии украденного поцелуя — украденного по-настоящему — и почувствовала её потом на кончиках пальцев.

Я даже не знала, кто это был.

Я вдруг поняла, что имели в виду Леон и Элиан.

— Ребята, — позвала я их. Они оба всё ещё смотрели на дверь, которая только что снова закрылась. — С кем меня сегодня видели?

— В смысле «с кем»? — переспросил Леон. — Ты же неплохо проводила время, а? — С кем? — настояла я серьезнее.

Элиан вздохнул и подошел к моей кровати. — С Алексом Али, — прошептал он. — Думаю, его задело именно это: что это был другой Алекс, именно он. Ты ничего ему не должна, если он тебе не нравится, но... думаю, ты сделала ему больно.

Я кивнула. Больше я ничего не смогла сказать. Не думаю, что смогла бы говорить, даже если бы мне было что сказать. Во рту пересохло, в желудке завязался непреодолимый узел...

Паула Гальего - Все проклятые сны **Paula Gallego - Todos los sueños malditos**

Алия. Конечно, это был один из парней Алии. Я не знала её лично, но знала, какой была Лира Алия. Знала, какая этика ею управляла — этика, которую, вероятно, привила ей наставница.

В любви и на войне не все средства хороши.

Я понимала это и раньше, но в ту ночь это правило обрело большую силу. Именно тогда я решила, что никогда не переступлю определенные черты, даже ради Ордена.

Еще одна уступка, еще один секрет, который будет принадлежать только мне: лазейка к человеку, которого даже я сама толком не знала и, возможно, никогда не узнаю.

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Глава 5

Мне не нужно было спрашивать, где его найти.

Алекс Алии был настолько высокомерен, что не потрудился скрыть содеянное, не потрудился спрятаться сам. В то утро он приветствовал меня с полной безнаказанностью и фальшивым обаянием. Не понимаю, чего он ожидал. Думал, я буду притворяться, чтобы избежать стыда? Я не собиралась.

Я увидела его в столовой. Он уходил, я приходила. — Лира Бреннан, — поздоровался он тем же сладким тоном, что и прошлой ночью. — Хорошо спала?

Я не ответила. Не дала ему времени задать ни единого вопроса. Я сломала ему нос.

Нанесла единственный удар, раздробивший переносицу. От силы удара или от неожиданности он упал на спину, а его товарищи разразились удивленными возгласами или угрозами в мой адрес. Это длилось недолго, потому что все умолкли, когда я присела рядом с ним, убрала его руки от лица и вправила нос на место одним чистым движением.

Вскрик заставил замолчать всю столовую, теперь следящую за нами, за мной.

Алекс Алии смотрел на меня снизу вверх с двумя струйками крови, стекающими из его красивого носа, расширенными зрачками и приоткрытым от изумления ртом.

— Это чтобы в следующий раз ты вспомнил об этом и хорошенько подумал, — промурлыкала я. — Шрама не останется, но если пожалуешься инструкторам, я позабочусь, чтобы это изменилось.

Остаток дня я провела, гадая, узнают ли об этом преподаватели. Я знала, что Алекс Алии ничего не скажет, но другие могли. Я спрашивала себя, достаточно ли этого проступка, чтобы меня наказали чем-то похуже: еще сломанными костями, не оставляющими следов, или пыткой, невидимой глазу. В конце концов, я повредила их собственность. А я была всего лишь еще одним Вороном. Мы были фигурами на доске, а не игроками.

Однако репрессий не последовало; ни со стороны Алекса Алии, ни со стороны преподавателей. Полагаю, он понял намек.

— Мы уже слышали о сегодняшнем утреннем шоу, — сказал мне Леон тем вечером в хижине. — Очень красиво, кстати. В следующий раз, когда соберешься ломать кому-то нос, предупреди меня, чтобы я не пропустил.

— Не думаю, что кто-то осмелится провоцировать её в ближайшее время, — заметил Элиан со своей койки.

Он сделал такую долгую паузу, что я подумала, он больше ничего не скажет. Я не собиралась ничего объяснять. У меня всё еще переворачивался желудок от того, что сделал со мной Алекс Алии прошлой ночью, и мой план состоял в том, чтобы уцепиться за жажду мести и попытаться хоть немного поспать.

Элиан же не закончил. — Вчера вечером... ты ведь не знала, что это не наш Алекс, правда? — мягко спросил он.

У меня в горле встал ком. Я не ответила. Не могла. В этом и не было нужды.

Элиан сел рядом со мной и взял меня за руку. Леон выругался. — Вот же свинья. — Ты должна рассказать Алексу, — сказал мне Элиан.

Я кивнула. Однако я не сделала этого ни в тот вечер, ни на следующий день, ни через день после этого. Алекс начал игнорировать меня намеренно и откровенно. Он не трудился скрывать, что его отлучки совпадали именно с теми моментами, когда я появлялась в хижине. Он отказался есть с нами и даже пропустил пару изнурительных

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

тренировок Бреннана. Я почти не сталкивалась с ним в хижине. Когда он приходил по ночам, то принимал душ и ложился спать, не проронив ни слова. По утрам он уходил прежде, чем кто-либо успевал с ним поздороваться, и смелость, которая мне была нужна, чтобы рассказать ему правду, требовалась всё больше, а мои силы становились всё меньше.

Я начала замечать взгляды, беспокойство в глазах остальных, и меня начало раздражать, что он отдаляется от других. Возможно, именно это заставило меня подловить его в тот темный вечер по дороге в хижину.

Я возвращалась с урока Протокола. Он, должно быть, шел с физической подготовки, так как был в тренировочной одежде: легкие ботинки, короткий рукав, несмотря на зиму, и удобные штаны, весь в черном.

— Алекс, — позвала я.

Я заметила, что он бросил на меня косой взгляд и продолжил идти, может, даже быстрее, чтобы добраться до хижины и начать игнорировать нас всех как можно скорее.

— Алекс! — настаивала я и побежала.

Я поравнялась с ним, и у него хватило порядочности не ускорять шаг. — Ты что, вообще не собираешься со мной разговаривать?

Он ответил чем-то похожим на рычание. — Ты не можешь игнорировать меня вечно. Ты не можешь игнорировать остальных! — сказала я ему.

Алекс продолжал идти. Хижина была близко. Я выругалась, прибавила шагу, чтобы обогнать его, и преградила ему путь. Он едва не врезался в меня. Попытался обойти, но я не позволила.

— Черт, Лира. Обязательно было с ним? — спросил он, наконец глядя мне в глаза. — Именно с другим Алексом? С этим придурком Алии, ни больше ни меньше.

Я задержала дыхание. Постаралась, чтобы он этого не заметил. — Прости.

Алекс моргнул от ответа, которого явно не ожидал, но тут же тряхнул головой, словно напоминая себе, почему он злится. — Ты так сильно меня ненавидишь? Так сильно презираешь? — Кроме боли, я уловила в его выражении что-то еще. Это был страх; настоящий страх, что я действительно его ненавижу. — Если тебе нравится то, что снаружи, почему ты не дала шанс мне?

— Потому что тот Алекс сказал мне то, что чувствовал.

Он вскинул брови. — Ты правда думаешь, что этот идиот что-то к тебе чувствует?

Я покачала головой. — Не то, что чувствовал он, а то, что чувствовал ты.

Я увидела замешательство, отчаяние. Он склонил голову набок. По крайней мере, он не сбежал и давал мне объясниться. — Он выдавал себя за тебя, — прояснила я наконец.

Я знала, он спрашивает себя, почему я не сказала этого раньше. Я видела в его бледно-зеленых глазах эмоции, пронзающие его сердце. Видела и тот самый момент, когда он осознал все последствия: сначала что-то похожее на надежду; затем — гнев.

— Я его убью, — заявил он и вдруг выпрямился, оглядываясь по сторонам, словно иррациональная часть его ожидала найти его здесь. — Я оторву голову этому ублюдку.

— Я уже сломала ему нос. Не стоит рисковать наказанием из-за него. Правда, не делай ничего.

Алекс посмотрел на меня, и сделал это так, словно видел впервые, словно я только что появилась перед ним. — Если он сделал с тобой что-то еще, если он...

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

— Нет, — перебила я его. — Это были просто поцелуи.

Я сглотнула, стараясь, чтобы он не увидел, насколько сильно я была задета на самом деле; что значили эти первые поцелуи и что они со мной сделали. Он потер затылок. — Мне жаль.

— Мне тоже. — Я сделала вдох и попыталась избавиться от того кислого, тяжелого и мутного чувства, которое в последнее время лишало меня сна. Я не могла отменить того, что сделал Алекс Алии, но могла решить, как с этим справиться. — Я хотела бы, чтобы это был ты.

Он тоже глубоко вдохнул. Посмотрел мне в глаза. — Что он тебе сказал?

Я облизнула внезапно пересохшие губы. — Ничего особенного. Сказал, что ему нравится быть со мной. — Я пожала плечами. — Он просто был милым.

Он отбросил волосы назад и впервые с тех пор, как я его остановила, изобразил нечто похожее на улыбку. Думаю, он тоже пытался избавиться от ярости, которая, должно быть, сопровождала его последние дни.

— Да, ну... Полагаю, я не был кандидатом на звание короля дружелюбия.

Я немного посмеялась, расслабившись. — Мне нравится, какой ты, Алекс. Ты мне нравишься улыбающимся, и ты мне нравишься ворчливым... и ты мне нравишься еще больше, если твое плохое настроение вызвано мной.

Он рассмеялся.

Мы смотрели друг на друга. Уже давно стемнело, и единственными огнями, освещавшими дорогу, были те, что горели в хижинах. Вдали золотые отблески городка казались звездами.

— Ты мне тоже нравишься. — Он покраснел. — Прости, что не сказал тебе этого раньше. — Он сделал паузу, серьезную, долгую, такую долгую, что я подумала, разговор окончен. — Значит... когда ты поцеловала Алекса Алии, ты думала, что это я?

Я кивнула. Видела, как он сглотнул.

— Ты бы захотела меня поцеловать, если бы я сказал тебе?..

— Если бы ты был искренен, да, Алекс. — Я поняла, что хождения вокруг да около могут затянуться, если мы продолжим в том же духе. — Я хочу тебя поцеловать, — призналась я.

Он этого не ожидал. Не ожидал, потому что я видела, как он набрал воздух, внезапно выпрямился и заколебался, гадая, приблизиться ему или отступить.

У него вырвался нервный смешок. — Хорошо, — ответил он, полностью сбитый с толку. — Тогда, полагаю, что...

Он не закончил. Не думаю, что он сам до конца понимал, что собирается делать. Он прижал ладонь к моей щеке, наклонился ко мне, и я увидела, как он закрыл глаза, прежде чем закрыть свои, растаять от прикосновения его пальцев к моей щеке и тепла его дыхания на моих губах.

И тогда что-то взорвалось. Тот поцелуй был другим во всех отношениях.

Я так и не узнала, было ли это плодом идеализации или бессилия, которое я всё еще чувствовала в груди при мысли, что кто-то так меня обманул, но тот поцелуй был лучше.

Было что-то еще, чего не было раньше, и мне это понравилось.

Я знала, что не забуду тот поцелуй, который у меня украли, что часть меня всегда будет помнить его, потому что в этом поступке крылась подлость, которую невозможно

Паула Гальего - Все проклятые сны
Paula Gallego - Todos los sueños malditos

забыть; но в тот момент имел значение только Алекс, мой Алекс, и его руки, осторожно обнимающие моё лицо, его губы, просящие разрешения, его язык, ласкающий мой.

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Глава 6

Было время, когда я любила жизнь, которую вела в Ордене. По крайней мере, я любила то, что она мне давала: откровения на рассвете с Элианом, легкий смех Леона, робкие поцелуи Алекса.

Так было проще не думать о том, что родители бросили нас или умерли, о ядах, которыми мы травили свои тела каждый день, или о неопределенном будущем, где мы навсегда забудем любой след нашей человечности.

С Алексом я познала опыт первой любви: робкие ласки, украденные поцелуи, неудержимое желание... Мы двигались очень быстро. Теперь я думаю, мы хотели сохранить каждое мгновение, принадлежавшее нам, прежде чем наша судьба станет полностью принадлежать другим.

И я наслаждалась каждым разом, даже самым неуклюжим или неловким, потому что они были моими, были нашими. Жить в одной хижине было преимуществом. Леон и Элиан ненавидели это всей душой. А я была счастлива.

На несколько сезонов я забыла, что это ужасно опасно, ведь тот, кто любит, в итоге проигрывает.

Мне вот-вот должно было исполниться восемнадцать, и к тому времени нас осталось только пятнадцать из двадцати одной кандидатки. Двоих отсеяли, потому что они выросли не так сильно, как ожидалось, а одну — за то, что была слишком высокой. Мира умерла от истощения, еще одну исключили за то, что она потеряла недостаточно веса, показав отсутствие преданности делу. Другой пришлось покинуть программу из-за шрамов, оставшихся после драки. Та, что их нанесла, осталась в Ордене после наказания, не оставившего физических следов. А Тауни умерла от яда.

Мы были на уроке Грима, который я также делила с Элианом, когда крик возвестил о начале нового испытания, которое предстояло преодолеть.

Мы увидели её двумя рядами ниже, чуть правее. Это была одна из моих, одна из Лир. Она встала, закричала, и все, кто сидел выше, смогли увидеть её руку. Сначала я не поняла. Мы все практиковались в имитации ран, ожогов, ужасных увечий... Поэтому мне потребовалось время, чтобы осознать: то, что было у неё на руке, не было гримом.

— Клянусь всеми Воронами, — прошептала я потрясенно.

Девушка кричала, кричала так сильно, что у меня в животе всё сжалось. Это был крик бессилия, ярости, боли... Кто-то рядом дал ей воды, чтобы промыть рану, похожую на химический ожог, но она закричала лишь громче. А потом бросилась бежать.

Элиан встал вместе со мной, возможно, по инерции, возможно, чтобы положить руку мне на плечо. — Уходим. — Что? — прошептала я. — Зачем? — Потому что кто-то сделал это с ней.

Его голубые глаза сказали мне всё, что нужно было знать: я должна бежать, должна быть готова.

Мы покинули класс вместе, как и в день моего экзамена по Ядам и Токсинам. Вышли в коридор одновременно с несколькими Лирами. Элиан схватил меня за руку, когда я не знала, куда свернуть. Мы пересекли коридор и вышли на галерею с арками, окаймлявшую школу.

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Спокойствие, царившее снаружи, безмятежность, с которой прогуливались другие ученики, тихий шелест ветра, звук далекого фонтана... усиливали ощущение нереальности.

— Они придут за тобой, — сказал он, как только мы начали удаляться от школы. — Когда узнают, что случилось, когда узнают, кто был в классе...

Это не выглядело как несчастный случай. Могло бы быть им, но если нет... Да. Они придут за мной. Придут за всеми нами. Любой ученик мог подменить грим, который она использовала, но только у Лир был мотив сделать это.

— Я не могу спрятаться, — сказала я ему, резко останавливаясь. — Не могу скрыться.

— Нет. Не можешь. — Он тоже остановился, отпустил меня, и я увидела, как он провел рукой по тонким каштановым волосам. — Это дало нам лишь несколько минут... время до того, как они поймут, что произошло, и решат, что делать.

Мы остановились посреди зеленой лужайки, между школой и зоной хижин. Ветер растрепал мои темные волосы.

— С тобой такое случалось? — спросила я.

Любой другой мог бы солгать мне; пара утешительных слов, какое-нибудь «я прошел через это, и ты пройдешь», но Элиан никогда бы так не поступил.

— Нет, — ответил он искренне. — Никогда. Но я знал других, с кем случалось. Тебе будут задавать вопросы, Лира.

— Я была с тобой, в двух рядах от неё, — быстро сказала я. — Есть свидетели. Они поймут, что я не...

— Наверняка допросят всех Лир, даже если их не было в классе, а может, и других, кто контактировал с пострадавшей. Что ты делала сегодня утром, Лира?

— Встала, позавтракала, была на Рукопашном бою... — Что ты делала вчера вечером? — Спала, — ответила я. — Как обычно. Я... как обычно, Элиан.

Он взял меня за руки. — Где именно ты была?

— В хижине. Потом ушла с Алексом. Мы были в... Ох, дерьмо. Я должна это рассказать?

Элиан прикусил нижнюю губу. — Можешь попытаться не рассказывать, но спустя какое-то время... Возможно, ты расскажешь, и если сдашься, если признаешь что-то, о чем не сказала вначале, они будут давить сильнее, думая, что ты скрываешь что-то еще.

— Я справлюсь, — заявила я очень уверенно. — Я не буду говорить. Не расскажу им.

— Тебя не накажут за то, что ты спала с Алексом, — заверил он меня.

Я сглотнула. — Но накажут за то, что я спала с ним в школе. Я не подходила к классу Ядов и Токсинов, ни к классу Грима, но мы были на территории школы, Элиан, — призналась я. — Было бы очень легко взять один из ядов и подменить материалы для сегодняшнего урока. Я не буду говорить. Не расскажу.

— Ты уверена? Наступит момент, когда ты захочешь говорить. Тебе так сильно захочется признаться, что даже если ты ничего не делала, если ты невиновна, твой разум будет искать что угодно, что можно им дать, что угодно, лишь бы остановить их.

У меня немного дрожали колени. Я кивнула, не будучи до конца уверенной. — Если я признаюсь, а виновного не найдут, обвинят меня и обвинят Алекса. Я не буду говорить.

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

— Хорошо, — согласился он. — Ты уверена, что никто не видел вас в школе? — Уверена. Я скажу, что мы гуляли, на случай если кто-то видел нас на улице, а потом вернулись в хижину, что мы четверо были вместе всю ночь. — Ладно.

Мы всё еще стояли посреди нигде. Мне хотелось остаться там, с ним. — Ты готова к этому. Вас учили всему на Техниках допроса.

Это была правда. Мы умели причинять боль и терпеть её, но это будет по-другому. Вероятно, это событие даст им идеальный повод устроить настоящий экзамен: без стоп-слов, без перерывов, без возможности выйти или сдать. Они сделают это по-настоящему. Будут пытаться нас. Будут искать ответы. И только они решат, когда получат всё, что им нужно.

— Мне страшно, — сказала я ему. — Мне тоже, — признался он. — Ты должна быть сильной, до конца.

Всего через несколько минут, когда мы увидели группу, направляющуюся к хижинам, чтобы найти меня, чтобы найти всех нас, он поцеловал меня в щеку на прощание.

Тогда я не знала, но этот поцелуй был последним.

***

Первые часы были долгими, но не самыми худшими. Сначала они задавали вопросы и слушали. Спустя какое-то время, когда я уже устала и у меня затекла спина, они начали применять техники допроса, которых я боялась по-настоящему.

Я помню эти часы, те, что последовали потом, как кровавое пятно. Ощущение при мысли о них похоже на то, будто находишься внутри темного колодца, под водой, и смотришь вверх, на размытые силуэты дня и света.

Они не использовали ничего, что оставило бы след; ничего, что могло бы изувечить или покалечить меня. Я знала, что существует множество разных способов причинить боль, но никогда не представляла, что их так много, таких разных, таких ужасно жестоких.

Я думала об Элиане. Повторяла снова и снова его последние слова: *ты должна быть сильной, ты должна быть сильной, ты должна быть сильной...* Но он был прав. В какой-то момент между вторым и третьим днем, или, может быть, между третьим и четвертым, я не знала, мне захотелось заговорить.

Я начала искать что угодно, что могло бы остановить это, положить конец лишению сна, боли, страху.

Я выдумывала. Выдавала абсурдные детали, о которых меня никто не спрашивал, лишь бы показать, что я хочу говорить, что я бы сказала, если бы было нужно. Я хотела говорить, говорить, говорить... И все же я оставалась верна своей первой версии. В ту ночь мы с Алексом недолго погуляли и вернулись в хижину. Мои товарищи могли это подтвердить.

Несмотря ни на что, я не сказала правды, не сдалась.

Они тоже говорили. Рассказывали мне тысячу разных версий, тысячу лживых историй и выдумок, которые были как удары ножом: *«Лири Алиа говорит, что видела, как ты трогала материалы своей подруги Лиры Шемар»*. *«Сама Лири Шемар убеждена, что это была ты»*.

Был момент, в самом конце, когда я была готова сдать. *«Если признаешься, всё закончится. Скажи нам, что это была ты, и мы проявим снисхождение»*.

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Я хотела это сделать. В конце концов, что могло случиться? Что еще они могли со мной сделать? Я знала, что Алиа прошла через нечто подобное, когда оставила мне тот шрам за ухом. Но с ней было иначе, без агонии, затягивающей всё без необходимости. Они знали, что это была она, и не стремились сломать её, лишь наказать и, возможно, запугать, чтобы она никогда больше не совершила ту же ошибку.

Всё закончилось, когда нашли виновную. Это действительно была одна из нас. Тогда мне и сказали.

Огромные стальные двери, за которыми меня прятали, распахнулись настежь, и на этот раз вошли двое мужчин и женщина с открытыми лицами. Женщина освободила меня.

— У нас есть виновная, — сообщила она мне. — Мы очень сожалеем о неудобствах и беспокойстве, которые могло причинить тебе расследование.

Я подавила смешок, который прозвучал бы надломленно и безумно. Когда один из мужчин развязал меня, он протянул мне влажную тряпку и стакан воды.

Я не плакала, потому что часть меня не до конца осознала это, не поняла, насколько сюрреалистичным это было, насколько реальным и трагичным одновременно. Я не могла жаловаться. Кто бы меня услышал? Это было необходимо. Это могло повториться в любой момент. И я должна была быть готова. Такова была цена искупления.

Я вышла не сразу, потому что не смогла. Я сидела несколько дней; не знала сколько, и ноги болели так, так сильно... Я думала, у меня не хватит сил встать и выйти, но мне это удалось.

Снаружи я встретила свое отражение, разбитое и сломленное. Другая претендентка выходила из похожей комнаты, тоже с эмблемой ворона, выгравированной на дверях. У неё были растрепанные волосы, покрасневшие глаза, стянутая и обезвоженная кожа, потрескавшиеся губы.

У меня дрогнула губа. Она разрыдалась. Я не спросила, кто она; но часть меня знала, что это должна быть Алиа, так же как она, вероятно, знала, кто я.

Я не прошла и большого расстояния, когда увидела Алекса, появившегося вдалеке, и мне пришлось опереться о стену, ожидая, пока он подойдет.

Помню, как он заключил меня в свои сильные объятия, как увел оттуда и поднял с земли, словно это не стоило ему никаких усилий. Помню, как он пах — ванилью и домом, и помню, как безопасно я чувствовала себя там, так далеко от мира, который нравился мне всё меньше. Я также храню в памяти тон слов утешения, которые он шептал мне на ухо, и прикосновение его поцелуев к моему лбу.

Смутно припоминаю, что Бреннан заглянул в хижину, чтобы увидеть меня. — Она в порядке? — спросил он Алекса. — Поправится, — ответил тот.

— Смойте с неё грязь и отведите к врачу, чтобы убедиться, что она в хорошем состоянии. Если эти бездари повредили её, и это будет стоить мне хорошей оценки в финале... — Он не договорил.

Он был расстроен; не потому, что меня пытали, не потому, что мне причинили боль. Для него я была лишь испорченным товаром. Он даже не подошел ко мне.

Леон и Алекс вымыли меня под душем. Один держал меня, пока другой смывал кровь и грязь с моей кожи, а я изо всех сил боролась, чтобы продержаться на ногах еще немного. Потом они отвели меня к врачу, чтобы убедиться, что я действительно в

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

порядке. К тому времени, как меня уложили в постель, я была на грани потери сознания.

Первым, что я сказала спустя всё это время, была мольба: — Элиан?

Алекс подарил мне нежный взгляд, к которому я уже привыкла. Его пальцы скользнули по моему горящему лбу. — Отдыхай. Поговорим завтра.

Я приподнялась на койке. — Где он? — прошептала я.

— Завтра будет хуже, Алекс, — прошептал Леон сзади. — Завтра у неё будут силы, которых нет сегодня, — возразил он, а затем снова повернулся ко мне, мягко толкая обратно. — Отдыхай, Лира. Утром всё будет казаться лучше...

Но я покачала головой. Выпрямилась еще немного. — Что случилось? Он в порядке? — Никто из них не решился ответить, и на секунду мне показалось, что я вернулась в ту камеру без окон, где мне пересказывали мои худшие страхи. — Он в порядке?!

— Он ранен, — сказал Леон, делая шаг вперед. — Близится время подмены настоящего Элиана. Их отвезли на последнее испытание в открытом поле, чтобы решить, кто из финалистов лучше подготовлен. Что-то пошло не так, и его ранили. Он в лазарете.

Сердце бешено заколотилось. — Когда? — Он прибыл пару дней назад, но его ранили в ту же ночь, когда забрали тебя. — Он сделал паузу, тяжелую, долгую, которая мне совсем не понравилась. — Дела плохи.

Я убедила их отвести меня к нему. Сердце тяготило меня больше, чем ноющие мышцы. Душа уже была разбита вдребезги, когда я пришла. Увидев его на носилках, осколки рассыпались окончательно, превратившись в хрустальную пыль.

Мне пришлось сесть рядом с ним, потому что, даже если бы я хотела стоять, я бы не смогла.

У Элиана, который всегда первым заболевал зимой, который столько раз будил нас своим кашлем, лицо теперь было более землистым, чем когда-либо. Ни кровинки в щеках, ни в губах, а пальцы рук были холодными, как ледышки.

— Куда его ранили? — спросила я врача, который согласился пустить нас, несмотря на поздний час. Возможно, он сжалился надо мной, увидев, в каком я состоянии.

— В ногу. В рану попала инфекция, отсюда и лихорадка, — терпеливо объяснил он мне. Мои глаза тут же опустились к одеялам, укрывавшим нижнюю часть его тела. — Не советую вам смотреть на рану, мисс. Это зрелище не из приятных.

— Я хочу. Я хочу видеть.

Врач склонился над ним и осторожно откинул одеяло. Я не пыталась скрыть свою реакцию. Я не могла, да мне было и все равно. Я поднесла руки к лицу, ко рту, не в силах сдержать рыдание. У него был порез над коленом; порез, который теперь вздулся и приобрел жуткий фиолетовый оттенок.

Вся нога была бледной, местами почерневшей и покрытой волдырями.

— Какой прогноз?

Я видела, как он набрал воздух в грудь. — Каждый организм индивидуален. Мы даем ему лекарства от инфекции, накладываем компрессы на эту область, но... в его состоянии... с гангреной...

Я поперхнулась. — Гангрена? У него началась гангрена ноги? — спросила я, раздавленная.

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

— Боюсь, что да. — Придется ампутировать?

За спиной я почувствовала, как нервно зашевелился Леон, отходя от нас и хватаясь за голову, чтобы еще сильнее взъерошить волосы.

— Как я уже объяснял парням пару дней назад, это было бы стандартной медицинской процедурой, да.

— Пару дней назад? Чего вы ждете? — почти прокричала я сорвавшимся голосом.

— Нам не разрешают ампутировать, — ответил он.

Сначала я не поняла. Алекс и Леон знали, потому что я увидела их лица, когда обернулась в поисках объяснений. Увидела их выражения, гримасы боли, и когда до меня дошло, я поняла, что им сказали то же самое.

Они не станут ампутировать ногу, потому что это превратит его в бесполезную для любой миссии фигуру.

Его тело не принадлежало ему; оно принадлежало Ордену, Воронам.

— Они позволят ему умереть? — выплюнула я.

— На данном этапе, когда гангрена так распространилась, возможно, даже ампутация его не спасет.

Я взяла пепельно-серую руку Элиана. Посмотрела на врача глазами, полными слез. — Но надо попытаться. Они не могут позволить ему умереть. Просто не... — Мне было трудно дышать. — Я поговорю с нашим наставником, с инструкторами. Поговорю с...

Я почувствовала руку на плече. Обернулась к парням, но это были не они; это был врач. — Если к завтрашнему дню ему не станет лучше, ампутация будет единственным возможным выходом.

— Каковы шансы, что ему станет лучше?

— Я многое повидал за годы практики, — заявил он с напряженным лицом. — Всё возможно, но... шансы малы, очень малы. В любом другом случае мы бы ампутировали уже давно.

Не знаю, была ли критика в его голосе на самом деле, или это было нечто, что вложила туда я; осторожно, очень осторожно. Это было семя, созданное из страха и презрения, которое будет расти среди корней уважения и чести, медленно заставляя их гнить.

Они позволили мне остаться там на всю ночь.

Я думала о настоящей Лире; о том, что она никогда не стала бы держать за руку больного друга. Думала о том, какие мы разные, и о том, что однажды эта часть меня, та часть, что остается рядом с близким человеком, должна будет умереть.

Элиан время от времени шевелился, во сне или в бреду кошмаров. Я следила за тем, чтобы стирать испарину с его лба, освежать чистой водой его лицо и шею и разговаривать с ним. Я делала это, даже когда у меня не осталось сил, даже когда у меня всё еще болело всё тело и каждая мысль давалась адским трудом.

Я не переставала говорить с ним до самого рассвета, пока не пришли некоторые инструкторы. Они лишь посмотрели на него мгновение издали. Врач объяснил им ситуацию, и они дали разрешение на ампутацию. Не все проголосовали «за».

Медсестры вывели меня оттуда, чтобы подготовить Элиана.

Я помню эти часы, следующие дни, как продолжение пытки. Бреннан позволил мне пренебречь обязанностями, тренировками и занятиями, чтобы отдохнуть. В любом случае, я была не в состоянии этого делать. Я пыталась спать, есть, мыться...

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

оставаться живой, держаться; но делать это было сложно, когда мое сердце лежало на кровати рядом с Элианом.

Ему не становилось лучше. Несмотря на ампутацию, лучше не становилось. Он даже не проснулся. Лихорадка была слишком высокой, а успокоительные, которыми его пичкали, — слишком сильными.

Я не видела ампутации; никто из нас троих не видел.

Когда мы пришли увидеть его снова, когда надежда еще была вариантом, мы в оцепенении уставились на впадину, проваливавшуюся под одеялами там, где должна была быть его нога.

После этого всё происходило со скоростью, которую трудно постичь. Часы тянулись медленно и одновременно нет; минуты превращались в часы, а часы — в секунды. Было сложно.

Ему не повезло продержаться три долгие недели.

Потом он умер.

Леон пришел на одно из моих занятий, чтобы сказать мне. Он постучал в дверь, прерывая нас, и, когда я увидела, кто это, я всё поняла.

Я успела вовремя, чтобы попрощаться; на последний вздох.

Я никогда не узнаю, был ли он в сознании, слышал ли он как-то, как Алекс говорил ему, что любит его, или слышал, как плачет Леон. Я хочу думать, что слышал, что он чувствовал мою руку, держащую его, возможно, как во сне, и что, несмотря на боль и беспомощность, на которую его обрекли, он чувствовал нашу защиту до самого конца.

Его последними словами была мольба или приветствие. Я никогда этого не узнаю. Сквозь приглушенные рыдания и тяжелые вдохи Элиан позвал свою маму, и я пообещала ему шепотом, что скоро он её увидит, хотя наша религия и утверждала, что рожденные от магии будут вечно скитаться во тьме.

Это был последний раз, когда мы были все вместе.

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Глава 7

Любой мог бы подумать, что смерть Элиана вернула нас к реальности: к той, где не имело значения, кого мы любим, ведь мы должны были быть готовы потерять их всех, потерять самих себя.

Возможно, так и случилось с Леоном, который покинул ту больничную палату раньше всех и отсутствовал несколько дней, почти не разговаривая, не шутя, не подначивая нас... Он ограничивался тем, что ел, спал, существовал.

Со мной и Алексом всё было иначе.

Мы вышли из той комнаты, держась за руки. Стежок за стежком мы сплели надежную сеть поверх шрамов, поверили, что строим мир, где никто не властен над нашими чувствами. Мы осознавали, что идем по тонкому льду. Приход весны принесет с собой оттепель, но никому из нас не было дела до того, что мы провалимся в воду, потому что мы были вместе.

Смерть Элиана всё еще будила меня кошмарами по ночам, когда нам сообщили, что приближается день выбора того, кто заменит настоящего Алекса, и я начала спрашивать себя, действительно ли придется попрощаться с кем-то еще.

У меня не хватило духу спросить его об этом, пока он не проиграл, пока мы не узнали, что для главной миссии выбрали другого, а его вскоре переведут на второстепенное задание в Королевстве Львов.

Дни с тех пор стали странными: обратный отсчет перед прощанием с жизнью, которую мы знали. Оставались только Леон и я, его финальное испытание тоже было не за горами. В конце концов, я останусь последней. Лира росла, и её судьба стать женой наследника была всё ближе. Вскоре её заменят, а я останусь одна, пока кто-нибудь не решит мою судьбу, наградив ролью Лиры или приговорив меня больше никогда не быть никем.

В тот день я настояла на том, чтобы выйти за стены, оставить позади маленькое кладбище цитадели, где покоились столь многие из нас, и углубиться в лес.

Мы занимались любовью в тени. До сих пор помню, как солнце просачивалось сквозь ветви деревьев и разливалось по его скулам, ключицам, губам.

Я осмелилась заговорить позже, когда Алекс прижал меня к себе так крепко, что я чувствовала его дыхание в своей груди, а его пальцы начали лениво выводить узоры на моей спине.

— Почему мы должны оставаться? — спросила я. — Что ты имеешь в виду? — спросил он. Его ласки всё так же спокойно скользили по моей обнаженной спине.

— Скоро ты перестанешь носить это лицо, — прошептала я и провела пальцами по его подбородку. — Ни эти глаза, ни этот нос, ни эти губы больше не будут твоими.

Алекс убрал мою руку. — Мне всё равно, кем мне придется стать. — Он сделал паузу. Заколебался. — А тебе будет не всё равно?

В его серо-зеленых глазах я увидела вспышку боли.

— Разве то, что я думаю, имело бы значение? — спросила я, возможно, слишком жестко. Я знала, что он хотел услышать. Знала, что он хотел услышать, что я буду любить его в любом обличье, но не могла этого сказать. — Когда ты примешь эту личность, мы больше никогда не увидимся.

Алекс отвел взгляд. Его глаза остановились на маленьком клочке неба, проглядывавшем сквозь ветви. — Это мой долг. Наш долг.

— А если бы не был? — Голос у меня дрогнул. — Что, если бы мы решили уйти?

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Алекс приподнялся. Я тоже немного отстранилась. — Куда? Куда мы пойдем, Лира? Там для нас ничего нет. По крайней мере, ничего хорошего.

— Там будет это. — Я положила руку ему на грудь. — Будем мы. Нам больше ничего не нужно.

Алекс упомянул нашу проклятую кровь. Говорил об Аде, о грехе, об огне и виселице. Я пообещала ему, что никто не узнает. Как они узнают, если мы будем осторожны, если используем магию для трансформации всего один раз?

— Пожалуйста, — взмолилась я, когда у него закончились аргументы. — Я не хочу говорить тебе «прощай». — Я тоже, — признался он. — Тогда давай уйдем.

В тот день, среди теней и света леса, Алекс взял меня за руку. Переплел свои пальцы с моими и поцеловал меня в губы, когда пообещал, что уйдет со мной.

В последнем поцелуе он произнес мое настоящее имя мне в губы: *Одетт*.

Я произнесла его: *Оливер*.

Мне стоило труда убедить его, что мы должны предупредить Леона. Это правда, что смерть Элиана отдалила его, но я не думала, что это было что-то личное. Он был далек не только от нас, но и от всего мира.

Мы ждали несколько дней, собирая припасы для путешествия и смелость, чтобы его начать, и за несколько часов до ухода, когда Алекса вызвали на испытание вместе с остальными отсеянными из проекта, я поговорила с нашим другом.

Я взяла его за руки, говорила об Элиане, о том, как сильно любила его, как сильно он любил нас, и уверяла, что мы не должны прощаться ни с кем больше, если не хотим этого; не так, не несправедливо, жестоко и безвременно.

Но Леон не искал оправданий дрожащим голосом, как Алекс. В нем говорила не боль, а гнев, и теперь я знаю, что еще и страх.

— Я никому не скажу, — пообещал он, выпуская мои руки. Пространство между нами ощущалось как холодная пустота. — Но ты совершаешь ошибку, которая обречет тебя на вечные муки.

— Как существование может быть грехом? Какое зло мы кому причинили? — Мы существуем, чтобы просить прощения. Наша жизнь — это отсрочка, чтобы творить Добро перед смертью.

— Я отказываюсь думать, что это всё, ради чего мы здесь, — сказала я ему с болью. — Отказываюсь думать, что Элиан сейчас в Аду за то, что не смог послужить Ордену, прежде чем его убили.

Леон сжал челюсти, но покачал головой, и в этот момент я поняла, что мне его не переубедить. — Делайте что хотите, но я в этом не участвую.

Мне было больно терять его, больно знать, что мы больше не встретимся; но я решила беречь любой лучик света, любую маленькую надежду.

Я собиралась уйти с Алексом, или, по крайней мере, так я думала.

Я ждала с сумкой, которую мы собрали, с едой и одеялами, целую вечность, как мне показалось. Думаю, я ни разу не допустила мысли, что он мог меня бросить. Я боялась за него. Боялась, что на том испытании случилось что-то плохое.

Я вернулась в хижину несколько часов спустя, спрятала сумку под кровать и не проронила ни слова.

Леон притворился спящим. Он не осмелился спросить, что произошло. Или, может быть, не захотел.

Паула Гальего - Все проклятые сны Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Алекс не появился утром. Я не видела его ни за завтраком, ни на занятиях. Остальных я тоже не видела и в итоге пошла искать Бреннана. Я думала, что сойду с ума, но он подтвердил:

— Вчера вечером их переназначили на новую миссию. Они уже получили новые имена и уезжают сегодня днем. Можешь попрощаться, если хочешь, — добавил он.

Думаю, это было проявлением доброты.

Я не помню точного момента, когда поняла, что произошло. Я пошла на площадь, подошла к воротам цитадели, которые должны были открыться, чтобы выпустить этих Воронов.

Новые лица, чужие лица, которых я никогда не видела. Это были мои товарищи, и среди них была моя любовь.

Я видела объятия. Ни единой слезы. Почему они должны плакать, если все они исполняют свое предназначение? Я узнала некоторых по товарищам, которые подошли попрощаться.

Ко мне никто не подошел.

— Он сделал тебе одолжение, Лира. — Леон подошел сзади. — Он спас тебя.

Я так и не узнала, что произошло на том испытании, и какое имя ему дали.

Я много думала об этом, особенно в самые грустные, холодные и одинокие ночи. Придумывала оправдания, придумывала объяснения, но ни одно из них не было достаточно хорошим.

Может быть, он представил себе эту жизнь в изгнании со мной, и она ему не понравилась. Может быть, он испугался огня и забвения.

Возможно, миссия, на которую его отправили, сулила ему жизнь настолько полную, что потерять меня оказалось легко.

Я не пролила по нему ни слезинки.

В тот день я потеряла почти всё. Мне оставалось лишь пойти ко дну, сбежать в одиночку или уцепиться за единственное, что было неизменным, сколько я себя помнила.

Я выбрала стать лучшей. Я выбрала Орден превыше всего.

И когда уходил Леон, тоже не было обещаний, которые мы не смогли бы сдержать. Он попрощался со мной с лицом друга, которого я любила все эти годы, ведь выбрали его.

Бреннан был горд.

Однако гордость не скрыла его жестокости: — Мертвец, отброс и избранный, — сказал он нам, когда мы получили известие. — Моя репутация теперь зависит от тебя, Лира. Не разочаруй меня.

Я не разочаровала.

Я прошла последнее испытание, в котором доказала, что для меня не существует ничего за пределами Ордена: ни моих чувств, ни моих потребностей, ни моей собственной жизни.

Парадоксально, но то, что показало миру, что я — идеальная Лира, а значит, та, кому меньше всего нужно скрывать собственную личность, также открыло мне грань меня самой, о которой я и не подозревала.

Потом настала ночь, когда Лира должна была умереть, и я стала ею, веря, что так будет всегда, и что мое настоящее имя умрет в том темном углу, где живут лишь сны, способные нас погубить; проклятые сны.

Паула Гальего - Все проклятые сны
Paula Gallego - Todos los sueños malditos

Полагаю, я ошибалась, потому что несколько месяцев спустя парень, утверждавший, что видит в моих глазах магию лесов Эреи, произнес мое имя вслух.

И я больше не хочу, чтобы его губы называли меня как-то иначе.